

The background of the cover is a traditional Chinese ink wash painting. It features a large, gnarled tree branch in the upper left, heavily laden with small, bright red berries. The branch extends diagonally across the frame. In the lower half, there are misty, layered green mountains. On the right side, a large, dark green tree trunk is visible, with a vine-like branch hanging down. The overall style is delicate and artistic, with a focus on natural elements.

Ольга Лазорева

**Русская гейша.
Во имя любви**

18+

Ольга Лазорева

Русская гейша. Во имя любви

«Автор»

2026

Лазорева О.

Русская гейша. Во имя любви / О. Лазорева — «Автор», 2026

Первая русская гейша Таня Кадзи успешно ведет дела в Москве, ее агентство «Аямэ» процветает. Новая ученица, юная Рита, получившая имя Ханако, радуется наставницу своими успехами. И все в жизни Тани наконец-то устраивается, она пребывает в гармонии. Но путь русской гейши, по определению, не может быть гладким и счастливым, и судьба готовит ей новую смертельную ловушку.

© Лазорева О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	40
-----------------------------------	----

Ольга Лазорева

Русская гейша. Во имя любви

Свиток первый. Снежинка, упавшая на ладонь

Новый год я встретила на работе. Нас пригласили на корпоративную вечеринку в загородный пансионат. Крупная строительная компания сняла его на все время новогодних праздников.

В девять часов вечера мы появились в полном составе. Гости были уже разгорячены алкоголем. Увидев нас, они на миг затихли, потом дружно закричали: «Вот это да! Супер!» и почему-то «Ура!». Смешливая Ханako тихо прыснула, я строго на нее глянула, и она тут же прикрыла губы веером. Мы выдержали паузу, застыв в эффектных позах и позволяя гостям насладиться зрелищем. Я придумала такой выход и знала, как экзотично мы выглядим, стоя близко друг к другу. В центре нашей группы обычно находилась я, по бокам располагались Сакура и Идзуми. Несколько месяцев назад в нашем коллективе появилась юная Ханako. И сейчас она дополнила картину.

Я словно увидела нас со стороны. На мне было ярко-алое кимоно, сплошь затканное золотой нитью. Широкий пояс-оби из черной с золочением парчи перетягивал стан от талии до груди, в руках я держала раскрытый шелковый веер. На его черном фоне алели большие маки. Справа от меня стояла Сакура. Ее кимоно больше соответствовало новогодней теме. Оно было нежно-голубым с серебряными ладьями по подолу. В руках Сакура держала неизменный для выступления гейш сямисэн. Слева от меня находилась Идзуми. Ее густо-синее кимоно с бледно-сиреневыми ирисами прекрасно сочеталось с нежно-лазоревым нарядом Ханako, расписанным светло-розовыми цветочками сакуры.

Наши яркие шелковые наряды всегда вызывали восхищение зрителей, тем более все кимоно были подлинные, привезенные специально для меня из Японии. Стоили они немало, но любая уважающая себя гейша должна иметь целую коллекцию, несмотря на то что по сей день это самая дорогая одежда в мире.

Мы были в полном гриме, то есть наши лица, шеи и часть груди густо покрывал слой белил, глаза были подведены черным и красным, а губы нарисованы маленькими бантиками. Парики традиционной прически гейш симада довершали образы. Но я невольно улыбнулась, представив, как странно мы выглядим на фоне огромной, сверкающей украшениями и переливающейся разноцветными огоньками гирлянд елки, которая находилась позади нас.

- Милая Аямэ, вы уже доставили нам необычайное удовольствие своим эффектным появлением! – громко сказал распорядитель вечера, невысокий полный мужчина, подходя к нам. – Располагайтесь, для вас выделен специальный столик.

Мы поклонились и молча последовали за ним. Присутствующие проводили нас любопытными взглядами.

- Рассредоточиваемся, - тихо сказала я. – Все, как обычно. Через полчаса Сакура сыграет на сямисэне. Затем Ханako исполнит танец. А там очередь дойдет и до Идзуми.

- Хорошо, - улыбнулась она.

- Танюша, а есть-то нам можно? Все-таки новогодний вечер. Тут столько всего вкусного! – неожиданно сказала Сакура.

- Ты и так толстая, - заметила Ханako и засмеялась, ущипнув ее за бок.

- Это еще что такое! – строго произнесла я. – И потом, сколько можно повторять, что на работе общаемся только под псевдонимами!

Это было одно из правил нашего бизнеса. В жизни меня зовут Таня, Ханako – Рита, Идзуми носит имя Нари, а Сакура – Майя. Но на работе, да и на репетициях мы всегда обра-

щаемся друг к другу по псевдонимам, чтобы легче войти в образ и чувствовать себя настоящими гейшами.

- Извини, - покаянно ответила Сакура и потупилась.

Она одна из нас была светловолосой и сероглазой. Но грим и парик неузнаваемо ее меняли.

- Если гости будут наливать, лучше отказываться, - продолжила я более мягко. – К тому же о нас, как видите, позаботились.

И мы одновременно глянули на столик, на котором стояло шампанское и закуски. По правилам гейшам запрещалось есть за одним столом с гостями. Они должны лишь подливать спиртное и не давать никому скучать. Но на таких массовых мероприятиях трудно было следовать правилам. Тем более мы находились не в Японии.

Когда я, чуть больше года назад, открыла агентство «Аямэ», предоставляющее услуги гейш, то даже и представить не могла, каким спросом это будет пользоваться. На огромную Москву нас явно не хватало. А уж в новогодние праздники сутки были расписаны по часам.

«Нужно расширять дело и набирать новые кадры, - в который раз подумала я, наблюдая, как Ханako подошла к соседнему столику, за которым сидели одни мужчины и, склонившись, что-то весело им говорила. – А то теряю огромные деньги, особенно в такие массовые праздники»

Но как раз с кадрами было крайне трудно. Девушки приходили по объявлению, но почти все отсеивались в процессе обучения. К тому же в народе гейша по-прежнему ассоциировалась с девушкой по вызову. И когда я на собеседовании говорила, что наше агентство не предоставляет интимные услуги, что необходимо постоянно учиться и ежедневно репетировать, многие кандидатки тут же вставали и уходили. От гейши требовалось умение играть на музыкальных инструментах, петь, танцевать на профессиональном уровне. Эти три кита искусства в Японии назывались одним термином - *gei*. Собственно говоря, от него и пошло название гей-ся, где гей – искусство, а ся – человек. Но главное и основное – это умение непринужденно вести беседу, быть своей в любом обществе и создавать для мужчин атмосферу легкости и ненавязчивого эротизма.

Я являлась и директором агентства и педагогом. К тому же приходилось постоянно участвовать в вечеринках в образе гейши Аямэ. По правде говоря, меня уже не хватало на все. Кроме этого я преподавала танцы в русско-японской школе.

«Хватит! – неожиданно решила я, глядя, как Сакура подсаживается за стол, устраиваясь между двух молодых парней. – После новогодних каникул уйду из школы. А то зарплата там мизерная, а хлопот полон рот. Нужно предупредить руководство».

На миг мне стало грустно, ведь я проработала в школе почти два года и очень привязалась к детям, но понимала, что в сложившейся ситуации это единственно правильное решение.

Увидев, что ко мне приближается директор компании, я мгновенно приняла приветливый вид и выбросила из головы все мысли о работе. Мои губы непроизвольно сложились в улыбку, ресницы опустились, а пальцы раскрыли веер. Принимать безмятежный отстраненный вид стало своего рода рефлексом, потому что гейша из века в век олицетворяла собой незамутненный проблемами женский идеал и была подобна изящному произведению искусства.

- Я хочу пригласить вас, милая Аямэ, за наш столик, - сказал директор. – Украсьте своим присутствием нашу компанию.

- С удовольствием, - мягко ответила я и последовала за ним.

Я присела на краешек стула, незаметно запахнув разъезжающиеся полы кимоно, под которым у меня был надет дзюбан¹ светло-серого цвета. По традиции у японцев одежда многослойная, и в прошлые века женщины надевали до двенадцати различных кимоно.

¹ Дзюбан - шелковая нательная длинная рубашка

Директор познакомил меня с сидящими за столом. Я мельком глянула на его жену, полную круглолицую даму с ямочками на щеках, потом перевела взгляд на мужчину средних лет и его спутницу. Она заинтересовала меня больше остальных. Мужчина являлся аналитиком компании, его жена преподавала в институте. Звали ее Ёсико.

- Ёсико большой специалист по японской культуре, - сообщил с улыбкой директор, - так что, я думаю, Аямэ будет интересно поболтать с тобой. Не так ли?

- Да, несомненно, - ответила Ёсико, приветливо на меня глядя.

Она была явно японских кровей. Об этом говорил разрез темно-карих глаз, желтоватая кожа с неярким румянцем, прямые тяжелые черные волосы. Ну и, конечно, японское имя.

- А что оно означает? – поинтересовалась я, когда мужчины вышли покурить, и мы остались одни.

- «Хороший ребенок», - усмехнулась Ёсико. – Но я, и правда, всегда была примерной ученицей и послушной дочкой.

Как оказалось, Ёсико родилась и выросла в Москве. Ее отец был русским, а мама - японкой. Они познакомились, когда он работал в Киото по контракту. И он увез молодую жену в Москву. И сейчас Ёсико ездила в Японию раз в год навещать родных.

- Но гены - сильная вещь, - заметила она с улыбкой. – Я влюблена в нашу культуру и, естественно, выбрала соответствующую профессию.

- Да, японская культура очень интересна и непривычна для европейского мышления, - задумчиво проговорила я, глядя в карие глаза Ёсико.

- Я не люблю посещать все эти корпоративы, - сказала она. – Но когда узнала, что будут гейши, то, сами понимаете, не могла упустить такой возможности и приехала с мужем сюда. И очень рада нашему знакомству.

В этот момент раздались звуки сямисэна. Мы замолчали и повернулись. На середину зала вышла Сакура. Она заиграла мелодию «Сливы в весеннем цветущем», и все затихли. Когда она закончила и поклонилась, раздались дружные аплодисменты и одобрителные возгласы.

- Надо же, - заметила Ёсико, - не ожидала, что наши подвыпившие товарищи оценили игру на таком специфическом инструменте.

- Просто звучит экзотично, хотя это обычный щипковый трехструнный инструмент, - сказала я. – А как-то в Токио я играла для гостей на балалайке. В сочетании с костюмом гейши это всегда производило фурор.

- Как интересно! – повернулась ко мне Ёсико. – Вы профессионал. Я даже не ожидала! А сямисэн настоящий?

- О, да! И обтянут кошачьей кожей, как положено, – улыбнулась я. – У нас есть и цитра кото². И сделана она из павлонии³. Мне привез их один друг из Токио.

- Я приятно удивлена, - заметила после паузы Ёсико. – Все-таки кото имеет тринадцать струн, и играть на ней довольно сложно. А что ваши девушки используют и «когти» из слоновой кости? Насколько я помню, чтобы играть на кото, нужно их надеть на большой, указательный и средний пальцы.

- Да, конечно, - улыбнулась я. – У нас все по правилам.

- Прекрасно! – восхитилась она. – А знаете, Аямэ, что кото очень древний инструмент? Существуют глиняные фигурки музыкантов, датируемые третьим веком до нашей эры, у которых в руках именно эти цитры. Кроме этого, в «Кодзика», нашем сборнике мифов, есть упоминание о «Говорящем Небесном Кото».

- Все это необычайно интересно, - заметила я.

² Цитра кото – тринадцатиструнный щипковый музыкальный инструмент

³ Павлония – дерево с мягкой древесиной, традиционно использующееся в Японии для изготовления музыкальных инструментов.

И внимательно поглядела на раскрасневшуюся Ёсико. Видно было, что этот разговор доставляет ей удовольствие.

«Такой увлеченный преподаватель наверняка отлично преподносит материал, - подумала я. – И почему бы не воспользоваться таким удачным знакомством?»

Я улыбнулась и сказала:

- У нас в агентстве проводятся чайные церемонии. Хотелось бы пригласить вас.

- Я с радостью! – тут же воодушевилась она. – Звоните, и я обязательно приеду.

Ёсико явилась в агентство утром второго января. Ее встретила Лиза, моя незаменимая помощница и самая близкая подруга. Я приехала чуть позже.

- А у нас гостя, - сказала мне Лиза, когда поздоровалась. Но тут же с тревогой посмотрела в мое лицо и тихо добавила: - Ты ужасно выглядишь! Бледная и под глазами круги! Хочешь, кофе сварю?

- Спасибо, - улыбнулась я. – Это то, что мне сейчас жизненно необходимо! С этими праздниками я совсем вымоталась, да и наши девушки сильно устали. Мы вчера, вернее сегодня, лишь в пять утра освободились. А с трех часов снова выступления, и нужно успеть в шесть мест. Я им позволила поспать подольше, так что приедут лишь к часу.

Лиза уселась за свой стол, внимательно меня слушала, кивая, но ее взгляд не отрывался от монитора компьютера.

- Заявок на ваши выступления очень много, - вздохнула она. – Даже не знаю, что придумать, как вам помочь. Хоть сама гейшей становись, - улыбнулась она.

- Что ты, дорогая! А кто же тут дела вести будет? Да и не для тебя все это! – заметила я.

Лизе осенью исполнилось девятнадцать. У нее была хрупкая изящная фигура. Ее утонченное лицо с нежной кожей, большие темно-карие глаза, тонкий нос, розовые, красиво очерченные губы, длинные каштановые волосы притягивали взгляд. Ни один мужчина не мог остаться равнодушным к ее красоте. Лиза вполне могла бы работать гейшей, но существовало одно «но». Драматические события прошлого наложили неизгладимый отпечаток на ее психику.

- Я проводила гостью в помещение для тяною, - сообщила после паузы Лиза. – Она сказала, что ты ее пригласила.

Тяною – японская чайная церемония, и Лиза для ее проведения оформила нашу репетиционную комнату.

- Да, Лизонька, хочу предложить Ёсико, так зовут нашу гостью, поработать у нас, поучить наших девушек. Да и сама я с удовольствием послушаю лекции. Она преподает в институте японскую культуру, - сказала я. – Я одна уже не справляюсь, и думаю, что наш бюджет вполне позволяет такие траты. Если Ёсико согласится, то оформи с ней типовый договор.

- Прекрасная идея! – обрадовалась Лиза. – А то ты чрезмерно загружена, так и заболеть недолго.

- Только не это! Болеть мне совершенно некогда, моя дорогая! И знаешь, - продолжила я, - хочу уйти из школы. Жаль, конечно, мою танцевальную студию, но у меня абсолютно нет на нее времени. Нужно развивать дело, набирать новые кадры. Сама видишь, сколько заказов. Мы пока единственные гейши в Москве.

- И тут ты права! – поддержала она меня. – Я тебе еще в прошлом году говорила, что не потянешь такую нагрузку.

- Аямэ? – раздался в этот момент голос Ёсико, и она вошла в приемную. – Вас и не узнать без грима и костюма! Но все равно вы очень хороши собой! – заметила она и улыбнулась.

- Здравствуйте, Ёсико, - улыбнулась я в ответ. – Очень рада, что вы приехали! У меня к вам важный разговор. С Лизой уже познакомились?

- Да, - ответила она. – И я посмотрела вашу чайную комнату. Все устроено без нарушения традиций, даже имеется ниша токонома, без которой невозможно ни одно японское помещение. И в ней прекрасная икебана.

- Это Лиза старается, - заметила я.

- Сварю кофе, - сказала Лиза. – А вам, Ёсико, может, чай?

- Нет, мне тоже кофе.

Мы устроились у меня в кабинете. Ёсико внимательно выслушала мое предложение и, не раздумывая, согласилась.

- Я спокойно смогу совмещать работу здесь с преподаванием в институте, - сказала она. – И буду делать это с удовольствием. Мне очень нравится ваше дело, и я вижу большие перспективы.

- Хотелось бы, чтобы мои девушки получили разносторонние знания о Японии, - заметила я. – Но, сами понимаете, все-таки акцент должен быть на темах, связанных с гейшами.

- Да, несомненно, - согласилась Ёсико. – И мне самой будет интересно подбирать материал.

На прощание она преподнесла мне фигурку могучего воина в полном самурайском снаряжении.

- Это Бясимон, бог богатства и процветания, - пояснила она, - один из семи богов Удачи.

- А почему он с таким большим копьем? – поинтересовалась я, изучая фигурку.

- По преданию он охраняет северный край земли от вторжения демонов, - ответила Ёсико.

Все дни до Старого Нового года были заняты бесконечными выступлениями. Меня утешало только то, что после каникул не нужно было выходить на работу в школу. Директор Михаил Феликсович уговаривал меня не бросать студию среди учебного года, но я была непреклонна. И как-то с утра приехав в школу, написала заявление об увольнении. Он внимательно на меня посмотрел, задумался, но потом все-таки подписал.

Тепло с ним распрощавшись, я вышла на улицу и вдохнула морозный воздух полной грудью. В этот момент услышала, как сигналит машина, и повернула голову. У тротуара притормозила серебристая машина. Она принадлежала моему очень хорошему другу господину Ито. Дверца распахнулась и я закивала, улыбаясь. Когда забралась внутрь, то вскрикнула от радостного изумления. Вместе с господином Ито в машине сидел Хаттори Митихиро.

- Охаё: годзаимас, Ито-сан, - поздоровалась я, видимо, от растерянности на японском, - и Хаттори-сан, - добавила я и наклонила голову. – Как я рада вас видеть!

Я подняла глаза, посмотрела в его покрасневшее лицо и улыбнулась.

- Я счастлив, - ответил он.

- Удивлена? – улыбнулся Ито-сан. – Хаттори-сан прилетел вчера, и очень хотел встретиться с тобой. Мы сейчас направлялись в офис. И тут ты, Танечка! Вот мы обрадовались! Ты была в школе? – живо спросил он.

Долго живя в нашей стране, господин Ито прекрасно говорил по-русски.

- Да, Ито-сан. Но я уволилась, - ответила я, глянув на Митихиро.

Он пристально смотрел на меня и улыбался.

- Вот, значит, как, - задумчиво проговорил господин Ито. – Этого следовало ожидать. Дела в агентстве идут все лучше? Я понимаю, что ты не успеваешь. И, естественно, выбрала то, что для тебя наиболее выгодно и перспективно. У нас говорят: Если уж укрываться, так под большим деревом.

- Да, что-то типа того, - пробормотала я. – Пришлось выбрать, иначе ждала неудача и здесь и там.

- Ты огорчена? – спросил Митихиро.

Его небольшие черные глаза смотрели ласково и участливо.

- Жаль студию. Дети расстроятся, когда после каникул узнают, что занятия прекращены.

- Ничего, Таня, - успокаивающе проговорил господин Ито, - я думаю, Михаил Феликсович найдет достойную замену. А тебе нужно смотреть вперед и думать о будущем. Но ты, как я вижу, совсем не отдохнула в эти праздники? Глаза грустные, личико утомленное, несмотря на раннее утро.

- Знаете, Ито-сан, я уже с трудом понимаю, когда утро, а когда вечер. Мы едва успеваем выполнять заказы, спрос неимоверно большой. Я сегодня спала всего два часа.

- Бедная моя птичка! А мы хотели пригласить тебя на ужин.

- В другой раз, - мягко ответила я и опустила ресницы.

Мне было неприятно отказывать ему, но на этот вечер у нас снова были назначены выступления.

- Я понимаю, - улыбнулся господин Ито ободряюще и поцеловал меня в щеку. – Дело превыше всего!

- Еще увидимся, - сказала я, глянув на Митихиро, и покинула машину. – Передавайте привет господину Кобаяси.

- Обязательно, - ответил господин Ито, высунувшись из окна. – Правда, он сейчас с семьей в Токио.

- Надолго?

- Нет, через три дня вернутся.

Но когда я вышла из машины, Митихиро неожиданно последовал за мной.

- Я не могу вот так отпустить тебя, - сказал он, беря меня под локоть. – Если ты не можешь поужинать с нами, то хотя бы позавтракай со мной.

- У меня есть пара часов, - ответила я и улыбнулась.

- Вот и отлично! – непритворно обрадовался он. – Мы так давно не виделись! Хочешь, пойдем ко мне?

- В смысле? – удивилась я. – Ты разве не в гостинице? И кстати, ты надолго?

- На пять дней, - ответил Митихиро, прижимая мою руку. – Ай! – вскрикнул он, поскользнувшись и теряя равновесие.

Я попыталась удержать его, и в результате мы оба упали. Тут же начали хохотать, барахтаясь на обледеневшем тротуаре. Когда поднялись и начали отряхивать снег с одежды друг друга, Митихиро негодуя заметил:

- И почему у вас тротуары не чистят? И еще столица называется!

Но меня вновь разобрал неудержимый смех. Он посмотрел на меня и тоже начал смеяться.

- Так что, пойдем? – спросил он, когда мы успокоились. – Ито-сан решил поселить меня в его квартире на эти дни. Я, конечно, отказывался. Но он настоял. Сказал, что его все равно почти никогда не бывает дома, а квартира огромная. Так что я там обитаю.

- Отлично! – обрадовалась я. – Тут идти два шага.

- Два шага? – удивился Митихиро.

- Не обращай внимания! – вновь рассмеялась я. – Ты же знаешь, русские словосочетания не означают буквально смысл сказанного.

- О, да! – улыбнулся он, беря меня под локоть.

Я невольно прижалась к нему, чувствуя нежность.

В Токио мы состояли в интимных отношениях, и мне всегда было с ним хорошо. Я невольно вспомнила, как Митихиро однажды принес мне пион, а потом рассказал народную сказку о пионовой принцессе, в которую влюбился дух этого цветка и превратился в юного самурая. Я повернула голову и глянула в его сияющие глаза. Он смотрел на меня, улыбаясь. Потом поднял мою руку, загнул край перчатки и поцеловал запястье. Такое проявление чувств на улице для японца было экстраординарным.

Когда мы пришли в квартиру господина Ито, я сразу сбросила шубку и направилась в ванную. Здесь я бывала неоднократно, так что ориентировалась хорошо. Приведя себя в порядок, я скинула одежду, распустила волосы и набросила мужское кимоно, висевшее на крючке в ванной. Но в этот момент в дверь тихо стукнули.

- Да, входи, - сказала я, приглаживая волосы.

Мне безумно захотелось нежности, близости, ласки. Последнее время я только работала и совсем разучилась отдыхать.

Митихиро зашел, и я невольно улыбнулась, увидев, что он тоже разделся. Я глянула на его стройное мускулистое тело, на узкие бедра, обтянутые короткими трикотажными шортами, невольно задержала взгляд на выпирающем из них бугорке. Я помнила, что нефритовый стебель у него был довольно скромных размеров. И Митихиро всегда отличался излишней застенчивостью. Поэтому меня удивило, что он в этот раз ведет себя так раскованно.

- Ито-сан установил фуру, - сказал он. – Я что-то замерз, вот решил вначале погреться. Ты не возражаешь?

- Нет, конечно, - улыбнулась я, направляясь к высокому округлому чану, выложенному внутри керамической плиткой.

Это и была традиционная ванна фуру. Японцы обожают находиться в нестерпимо горячей воде, сидя на корточках. Часто в такой ванне сделана внизу приступочка, служащая узкой скамейкой. Когда я попробовала впервые посидеть в фуру, то не смогла выдержать и минуты. Но постепенно привыкла и даже начала получать удовольствие, потому что горячая вода странно расслабляла и тело и психику.

Я сполоснула ванну и набрала воду. Митихиро спокойно стянул трусы и забрался внутрь, погрузившись в воду по плечи и счастливо вздохнув.

-

И ты, - прошептал он. – Места достаточно для двоих.

Я внимательно посмотрела на его покрасневшее лицо, на влажные губы и тихо засмеялась.

- Танечка, - ласково сказал он, - ты же сама говорила, что устала. Иди сюда, сразу почувствуешь облегчение.

- С удовольствием, - ответила я, скидывая кимоно.

- О! – прошептал Митихиро, - как ты прекрасна! Я скучал по тебе и часто вспоминал мою пионовую принцессу.

- Я тоже вспоминала тебя, - ответила я, забираясь в фуру и невольно вскрикнув.

Вода буквально обжигала. Митихиро подхватил меня за талию и аккуратно опустил к себе на колени, обняв и сжав грудь. Я поерзала, устраиваясь удобнее, и тут же почувствовала его вставший нефритовый стебель. Митихиро коснулся языком моей шеи сзади, спустился вниз и начал целовать спину. Его пальцы медленно сжимали и оттягивали мои соски. Я закрыла глаза и развела колени... Наши «фрукты лопнули» одновременно.

- Как хорошо, - прошептал Митихиро и глубоко вздохнул, отпуская меня.

- Мне тоже, - тихо ответила я, вставая.

Но когда оперлась о край ванны руками, чтобы выбраться, почувствовала, как влажный язык коснулся яшмовый ворот. Я замерла. Но Митихиро вдруг отстранился, выбрался из фуры и потянул меня за собой. Я непонимающе посмотрела в его затуманенные глаза. Он схватил махровое банное полотенце, бросил его на пол. Я тихо засмеялась, подумав, что в спальне было бы удобнее. Но он уже лег.

- Бутон к бутону? – прошептал Митихиро.

Я кивнула и устроилась рядом. Мы приняли позу 69. Я тут же почувствовала его язык, забирающийся в яшмовые ворота и, обхватив пальцами нефритовый стебель, начала нежно обводить кончиком языка...

Из тетради лекций Ёсико:

Японская культура многое переняла у китайской. Около двух тысяч лет назад китайские целители считали, что секс необходим для физического и умственного здоровья, как мужчин, так и женщин. Придерживаясь этой философии, они обращали пристальное внимание на мастерство физического удовлетворения, а секс рассматривался ими, как важная ветвь медицины. Его польза отнюдь не умаляла его удовольствий. Основная идея Дао-любви в том, что соитие только тогда на пользу организму, когда приводит к полному физическому и психическому удовлетворению. Древние тексты Дао-любви подробны и откровенны.

Одним из изысков любовной игры считалась игра на каком-нибудь музыкальном инструменте. В этот момент девушка сидела верхом на лежащем на спине мужчине, а нефритовый стебель находился внутри яшимовых ворот. Гейши часто использовали этот способ, сидя верхом на покровителе и наигрывая ему на сямисэне.

Когда я приехала в агентство, все уже были на месте. Лиза кивнула мне, улыбнулась и вновь уткнулась в монитор. Ханako вылетела из чайной комнаты и, громко смеясь, начала рассказывать, как Сакура примеряла кимоно, удивляясь, что оно кажется ей меньше, чем раньше.

- Скажи ей, Таня, чтобы не ела так много сладкого, а то она растолстела! И мне не верит! Но на всех вечеринках нас сейчас закармливают всякими вкусностями.

- Успокойся, Ханako, - строго сказала я, проходя в чайную комнату, которая служила нам репетиционной, когда там не проводили тяною. – Ты просто придираешься к ней. Ничего она не толстая, все пока в меру.

- Именно пока! – не унималась она.

Ханako, в обычной жизни – Рита, было восемнадцать лет, но выглядела она намного моложе. Худенькая, низкорослая, но пропорционально сложенная, с узким изящным лицом, на котором сияли карие миндалевидные глаза, с очаровательными ямочками на розовых щеках Ханako производила на клиентов неизгладимое впечатление. К тому же она пока ходила в училищах и наряды я подбирала соответствующие. Она приехала в Москву из Волгограда прошлой осенью. Ее привезла Идзуми, считая, что из нее может получиться гейша. Тем более образование у нее было подходящее - культпросвет училище, оркестровое отделение. Она играла на различных инструментах. Кроме этого с раннего детства занималась танцами и много выступала. Так что опыт работы перед зрителями, несмотря на юный вид, у Ханako имелся приличный. А живой задиристый характер был только плюсом для подобного рода деятельности. Ханako быстро училась и на новогодних праздниках выступала наравне с нами, что явилось для меня незаменимым подспорьем.

- Сегодня мы разделимся, - сказала я ей. – Ты будешь в паре с Сакурой, так что смотри, особо ее не доставай.

- Да я что? – засмеялась Ханako, вскинув тонкие черные брови. – Я на самом деле всех вас очень люблю!

- Знаю, знаю, - улыбнулась я, заходя в чайную комнату.

Сакура сидела на циновке, щипала струны сямисэна и тихо, ритмично напевала, периодически поглядывая в тетрадь, лежащую перед ней. Ее русые волосы были заплетены в косу, серые глаза опущены. Старинный сямисэн на фоне ее голубого свитера с белыми оленями и синих джинс смотрелся немного странно. Идзуми медленно кружилась в танце. Ее изящная фигурка на фоне раздвижной перегородки фусума с изображением горы Фудзи казалась легкой и напомнила мне почему-то порхающего мотылька. Возможно, из-за ярко-голубого кимоно, полы которого разлетались в такт движению. Увидев меня, она замерла с поднятой правой рукой, на пальце которой быстро крутился голубой веер.

- Доброе утро, - поздоровалась я.

- Привет, Танечка! – ответили они практически одновременно.

- А я сегодня уволилась из школы, - сообщила я новость.
 - Давно пора! – поддержали меня девушки.
 - И еще..., - начала я и замолчала, изучая какэмоно, висящий в нише.
- На узком вертикальном свитке была изображена мифологическая птица-феникс Хо-о.
- Это Лиза сегодня принесла и повесила, - сказала Ханако, проследив за моим взглядом.
- Она сказала, что ей это подарили, и пояснили, что эта птица в Японии - символ счастливого предзнаменования.
- Дорогой подарок, - пробормотала я, подумав, что он наверняка от «раба Григория».
 - А что ты начала говорить? – поинтересовалась Идзуми, подходя к нам.
 - Ах, да, - спохватилась я. – Значит так, мои красавицы, я решила, что мы отлично поработали, поэтому предоставляю всем трехдневный отпуск.
 - Ура! – закричала Ханако и запрыгала на месте. – Можно, я смотаюсь домой?
 - Но в отпуск уходим не все одновременно, - добавила я. – Вначале Идзуми и Ханако, так как они из одного города, а затем мы с Сакурой. И для дела так будет лучше.
 - Отлично! – захлопала в ладоши Ханако и повисла на шее Идзуми. – Мы сгоняем в наш город! Очень хочется с родными повидаться! А завтра с утра уже можно уехать? – громко спросила она и подскочила ко мне.
 - Можно, - ответила я, глядя ее по волосам. – Деньги получите у Лизы. И можете сейчас.
 - Бежим! – закричала она и, схватив Идзуми за руку, понеслась к выходу, таща ее за собой.

Сакура аккуратно положила инструмент в футляр и подошла ко мне.

- А ты можешь уехать через три дня, как только они вернутся, - сказала я.

Она опустила глаза и, сложив пальцы лодочкой, привычно поклонилась. Я улыбнулась в ответ, подумав, что девушки все больше становятся похожими на настоящих гейш. Видимо, непрекращающаяся учеба, постоянные репетиции, выступления в образах влияли на подсолнечие, и в нем закреплялся устойчивый стереотип. Этого я и добивалась. Если мои ученицы начинали в душе чувствовать себя японками, то вели себя на вечеринках в образах гейш естественно и непринужденно. А это главное условие для создания гармонии.

Следующие три дня мы выступали вдвоем с Сакурой. Но пресыщенные праздниками граждане уже пытались войти в рабочую колею, поэтому количество заказов пошло на убыль. Я знала по прошлому году, что такое затишье, наступающее практически сразу после Старого Нового года, продлится не больше недели, а потом нас вновь начнут активно приглашать. Поэтому и решила именно в эти дни дать возможность всем отдохнуть.

Из голубой тетради с изображением розовых цветов сакуры на обложке:

Мои записи.

Почувствуй, как небесный холодный огонь загорелся под твоими босыми ступнями, и вот он охватил все твое усталое измученное тело и пронзил его тысячами очищающих струй. Огонь поднялся к твоей голове и окружил ее голубым ореолом. И твой разум очистился. Ты сейчас как факел, но ты не сгоришь, даже когда твое тело исчезнет в этом небесном пламени. Ты возродишься вновь, отдохнувший и чистый, как прозрачный родник».

С Митихиро я встретилась еще несколько раз. А ночь перед его отъездом, вернее уже раннее утро, потому что последнее выступление закончилось лишь в половине третьего, он провел со мной.

Он заехал за мной в агентство и терпеливо ждал, пока я смою грим и переоденусь. Я попрощалась с охранником, забралась в машину и вопросительно посмотрела на Митихиро. Его глаза были грустными.

- Ты, наверное, очень устала, Таня, – нерешительно проговорил он. – Так поздно!
- Поедем ко мне, – предложила я и неприметно вздохнула.

По правде говоря, мне хотелось очутиться дома, поскорее забраться в постель и уснуть. Но Митихиро был таким грустным, что я решила провести остаток ночи с ним. Услышав мое предложение, он обрадовался и с благодарностью глянул мне в глаза повлажневшими глазами.

Когда мы поднялись в квартиру, я сразу прошла на кухню. Приготовив легкую закуску и достав бутылку красного сливового вина, я поставила все это на поднос и вернулась в гостиную. Митихиро сидел на полу, подогнув ноги.

- Ты бы разделся, – сказала я, улыбнувшись, ставя поднос на пол и устраиваясь рядом.
- Так будет удобнее.
- Ты права, – согласился он.
- А давай переоденемся в халаты? – предложила я, вставая.

Митихиро поднялся вслед за мной. Я пошла в спальню и открыла шкаф. Потом сняла с вешалки два шелковых халата. И начала расстегивать блузку. Но Митихиро неожиданно рванул ее с моих плеч. Я замерла, глядя в его расширившиеся зрачки. Митихиро всегда был сдержанным и даже робким. И такое проявление страсти меня немного позабавило. Я начала улыбаться. Но он опрокинул меня на кровать, навалился, тяжело дыша и поднимая юбку. Мне стало смешно. Я ерзала под ним, пытаюсь освободиться и смеюсь. Но это словно свело его с ума. Скоро юбка оказалась у меня чуть ли не на голове. Он двигался быстро, с шумом втягивая воздух сквозь стиснутые зубы и постанывая. Его энергия тут же завела и меня. И я мгновенно возбуждалась. Юбка мешала мне, но не хотелось отпускать его. Митихиро стонал все громче, двигался все стремительнее. Я шла на поводу его страсти, и скоро изогнулась всем телом в острейшем наслаждении.

Когда мы немного успокоились и пришли в себя, Митихиро встал и вышел. Я в недоумении посмотрела, как он скрывается за дверью. Но мне было так хорошо, я чувствовала такое расслабление, что лень было даже окликнуть его. Скоро он вернулся и сел рядом. Я с улыбкой смотрела на какую-то коробочку, которую он поставил рядом со мной.

- Это тебе, – тихо сказала он. – Я привез из Токио.
- О! – восхитилась я. – Ты такой милый. Всегда меня балуешь.

В первый мой приезд в Токио Митихиро подарил очень дорогой черный жемчуг, который добывается в Окинава. И я с удовольствием носила это ожерелье. Приподнявшись на локте, я с любопытством взяла коробочку. Она была деревянной, продолговатой и на вид антикварной. На крышке золотились два иероглифа, но позолота была вытерта явно от времени.

- Это настоящие рин-но тама, – тихо сказал Митихиро. – Продавец уверял, что они принадлежали известной гейше Мамецуку, жившей в Эдо в девятнадцатом веке.

- Не может быть! – рассмеялась я. – Ведь это сугубо интимная вещь. Каким образом шарики могли попасть в антикварную лавку?

- Не знаю, – пожал плечами Митихиро. – Видимо, родственники гейши продали. А как же еще?

Я раскрыла коробочку. На синем атласе матово поблескивали два шарика размером с голубиное яйцо. Я достала их. Они выглядели так, будто были сделаны из тонкого медного листа. Один шарик оказался более тяжелым. Я знала, что он назывался раньше «маленьким человечком». В такой шарик обычно вставляли другой из металла или вкладывали в него несколько металлических язычков. Реже помещали некоторое количество ртути. Второй шарик был явно пустотелым, так как казался намного легче. Рин-но тама вводили в яшмовые ворота. Малейшее движение побуждало металлический шарик перекатываться, что производило мягкое щекотание, похожее на слабый электрический разряд. Гейши постоянно использовали рин-но тама. Во-первых, так они тренировали мускулатуру яшмовых ворот, а во-вторых,

испытывали непрекращающееся легкое возбуждение, что придавало их облику еле сдерживаемую чувственность и усиливало эротическое обаяние ики.

- Спасибо, - тихо проговорила я.

- Надеюсь, пригодится, - прошептал Митихиро и обнял меня.

Из тетради лекций госпожи Цутиды:

Гейши считаются последними хранительницами традиционной японской женской культуры. Только они во всей стране умеют правильно носить кимоно и белить лицо, только они сохраняют и повторяют движения древних танцев и слова веселых песен. Именно это поддерживает гейши на плаву, поскольку традиции и их хранители в Японии всегда в почете.

Для правильной грациозной походки в кимоно женщина должна как бы скользить одной ногой впереди другой, делая небольшие шажки, подгибать при ходьбе пальцы ног и немного сгибать колени, как бы чуть косолапить, немного опускать плечи и помахивать руками, не отрывая их от тела. Правильно ходить можно только освоив неудобные деревянные гэта.

Крой кимоно диктует каноны красоты - подчеркивает одни стороны фигуры, такие как затылок и шею, лодыжки, бедра, и маскирует другие - талию, ноги и грудь. А современное платье наоборот всячески выделяет то, что оно скрывает. Кимоно идеально подходит для типичной фигуры японки с ее низкой талией, длинными бедрами и короткими икрами. В современном мире эти каноны красоты безнадежно устарели.

Когда вернулись из отпуска Ханако и Идзуми, я отпустила Сакуру. И подумала, что моей помощнице также необходим отдых.

- Вот что, Лиза, - сказала я ей поздно вечером, когда мы вышли из агентства и попрощались с нашими двумя охранниками. – Давай-ка сейчас поедem ко мне, посидим в спокойной обстановке.

- Давай! – обрадовалась она. – А то ты совсем заработалась! Устроим постновогодний ужин.

- Какой? – рассмеялась я.

- Таня! Новогоднюю ночь ты провела на работе, а я с рабom Григорием. Потом ты беспрерывно разъезжала по вечеринкам. Мы с тобой вместе даже и не подняли по бокалу шампанского.

- А ведь ты права! – нахмурилась я. – Непорядок.

- И вот еще что, - добавила после краткого раздумья Лиза, - нужно Тима позвать.

- Точно! – одобрила я. – Негоже забывать старых друзей. Попытаемся его найти. Звони!

Тимур, или, как мы его звали, Тим, оказался в городе и, на наше счастье, свободен сегодня вечером. А так как он работал стриптизером в ночном клубе, то можно считать, что нам повезло. В данный момент он жил с некоей Ингой, дамой далеко за пятьдесят, деловой женщиной, имеющей собственный бизнес. Но с нами он не прекращал дружбы, и мы с Лизой его очень любили. К тому же он по разным причинам периодически жил у меня.

Когда мы вышли из такси возле моего дома, Тим, к нашему радостному удивлению, уже был на месте. Я поняла это, увидев свет в окне кухни.

- Как хорошо, что у него есть ключ от моей квартиры, - заметила я. – Тебе, Лизка, тоже не мешало бы иметь!

- Так он чаще у тебя живет, чем я, - возразила она. – Странно, что эта Инга тебя все еще не заказала. А то ведь ревнивая баба хуже атомной войны.

- Ну что за глупости ты сегодня говоришь! – ответила я, открывая громоздкую дверь подъезда.

Когда мы вошли, Тим появился в коридоре, сияя нам ярко-синими глазами и, казалось, всеми своими тридцатью двумя нереально белыми зубами. Работая стриптизером, он научился улыбаться не хуже голливудских кинозвезд. Его красивые длинные волосы были окрашены в темно-шоколадный цвет. Тим часто менял имидж в интересах бизнеса, и я видела его то блондином, то рыжим, то жгучим брюнетом. Заметив, что он в одних узких трусиках и моем цветастом фартуке с оборками, надетым на голое тело, мы с Лизой дружно расхохотались.

- Привет! Ты как всегда, – сказала я, когда успокоилась, – красив и обнажен!

- Привет, девчонки! – ответил он, не переставая улыбаться. – Лучше целуйте меня быстрее! Я уже на стол накрыл.

- Стремительно, – заметила Лиза. – Я ведь тебе звонила чуть больше часа назад.

- А вы что, не заметили у подъезда мою новую белоснежную тачку? Это люксовая модель, совсем новенькая, только с завода. Мне Ингуля на Новый год подарила! – быстро проговорил Тим. – Его там что, уже нет?! – испуганно воскликнул он, прилипнув к окну кухни.

Но Тим радостно произнес:

- Стоит, мой красавец! На фоне снега сразу и не заметил! Хорош так же, как и я. Оцените, девочки.

- Верим на слово, – сказала Лиза, обзревая стол, на котором уже стояли закуски и бутылка шампанского. – Да ты тут, и правда, постарался на славу!

Она взяла кружочек колбасы с тарелочки и быстро отправила в рот.

- Эй, подруга! – возмутился Тим. – Мыть руки и за стол. Нечего таскать с тарелок!

- Ладно, ладно, – проворчала она и улыбнулась, подмигнув мне.

Но вначале мы поздравили друг друга с наступившим годом и обменялись подарками. Тим преподнес мне винтажное праздничное кимоно «цукесагэ» густого сине-фиолетового цвета с рисунком в виде маргариток, цветов сакуры, пионов и хризантем. Оно было ручной работы на шелковой двухцветной подкладке. Я замерла от его красоты и ярких сочных красок узора. Потом расцеловала довольного Тима. А Лиза подарила объемную записную книжку. Она была с золотой обложкой, на которой каллиграфически чернел иероглиф «Тацу», обозначающий мой зодиакальный знак дракона.

- Это тебе для новых записей, – тихо проговорила она.

Лиза знала, что я люблю собирать всевозможные изречения японских авторов, понравившиеся мне пословицы, афоризмы. Я уже заполнила до конца несколько книжек. И новая была весьма кстати.

«А в эту буду записывать все, что узнаю о тайных умениях гейш», – почему-то подумала я, прижимая книжку к груди и неприметно улыбаясь.

Когда мы выпили бутылку шампанского и окончательно расслабились, я предложила перейти в комнату. Тим, который так и сидел в фартуке, снял его, аккуратно повесил и, весело посмеиваясь, вышел из кухни.

- Домой что ли поехать? – задумчиво проговорила я. – А то свободных три дня! И Тима прихватить.

- Что ты, Танечка, – возразила Лиза, ставя чашки с горячим кофе на поднос. – В клубе сейчас самый сезон. Кто же его отпустит?

- Да, ты права, – сказала я, разрезая торт и укладывая куски на блюдо. – А ты куда поедешь? Или в Москве останешься?

- Послушай, – ответила она, поворачиваясь ко мне и сияя заблестевшими глазами, – а давай с нами! А?

- Куда это с вами? – нахмурилась я. – С этим ненормальным? Твоим, а когда-то моим рабом?

Хочу пояснить, что первоначально госпожой у Павла Николаевича была я. Но это напоминало скорее игру, тогда как с Лизой у них все было по-настоящему. Я знала, что они даже

заклучили что-то типа договора, взяв за основу историю писателя Захер-Мазоха и его жены Ванды. После этого он и стал называться рабом Григорием.

- Да, ситуация пикантная, - сказала Лиза. – Он с ума сойдет от счастья, если окажется в компании с двумя господами!

- Ну уж нет, моя дорогая! – возмутилась я. – Хочу напомнить, что я в эти игры больше не играю.

- Знаю, знаю, - улыбнулась она. – Но поехать с нами отдохнуть и развеяться, это вовсе не означает вновь становиться госпожой, не находишь?

- И куда вы едете?

- Трехдневный тур в Париж. Он вчера меня умолял позволить ему купить путевки.

- Что, с тургруппой? – испугалась я.

- Нет, индивидуальный, со своим гидом.

- Сколько можно доставать меня?! – раздался в этот момент возмущенный голос Тима, и он влетел в кухню, держа сотовый телефон плотно прижатым к уху. – Я же говорю, что в гостях у девчонок! Ты их прекрасно знаешь! Да-да! Таня и Лиза. Да успокойся ты! Чего?! Чего мы затеваем? Ну ты и дура! Мы тихо-мирно кофе пьем и просто общаемся.

Тим глянул на нас немного беспомощно. Его синие глаза повлажнели, красивые яркие губы скривились в презрительной усмешке. Мы с Лизой перестали говорить и внимательно смотрели на него. Тим закусил губу и отставил телефон от уха. Даже нам был слышен визгливый голос Инги.

- Совсем баба спятила! – прошептал он. – Скоро к фонарному столбу ревновать будет, на который я случайно посмотрю. Все сказала? – громко поинтересовался он, вновь прикладывая телефон к уху. – Пока, зануда!

Тим отключил телефон и бросил его на стол.

- Пей кофе, - предложила Лиза, садясь. – И успокойся.

- Чего это с ней? – спросила я, устраиваясь напротив поникшего Тима.

Он облокотился локтями о стол и вперил неподвижный взгляд в кусочек торта.

- Инга раньше вроде рассудительной была, да и к нам с Лизкой никогда не ревновала, - продолжила я.

- Так то раньше, - ответил он, пододвигая к себе чашку с остывшим кофе. – Но последнее время будто с цепи сорвалась. Особо ее злит, что я не бросаю стриптиз. Недавно прямо в клубе скандал учинила, орала, что все бабы мечтают меня купить и чтоб не смели больше пялиться на ее законного парня. А потом хрустальной пепельницей запустила в нашу постоянную клиентку, жену, между прочим, директора одного банка. Меня оштрафовали, - грустно добавил он.

- Тебя-то за что? – усмехнулась Лиза.

- Правила нарушил. Привел в клуб свою девушку. А это не приветствуется. Мы же всегда в образе свободных роскошных сексуальных красавцев.

- Тоже мне девушка! – заметила я. – Скорее, бабушка! Тебе сколько? Двадцать три? Ты ей вполне внуком мог бы быть.

- Скажешь тоже, - наконец улыбнулся Тим.

- Давай я поговорю с Ингой? - предложила я. – Я же ей нравилась, она легко со мной общалась.

- Боже упаси! – не на шутку испугался он. – Она и тебя сейчас ненавидит. Недавно возмущалась твоим бизнесом и говорила, что агентство «Аямэ» - настоящее гнездо разврата. И пригрозила, что если узнает, что я у вас бываю, то откусит мне, сами понимаете что.

- А мы тебе давно говорили, что все это ненормально, - сказала Лиза. – Возишься со старухой и думаешь, что все так просто.

- Ладно вам! – отмахнулся Тим. – Какая она старуха? Всего-то пятьдесят шесть, а выглядит на сорок. Но крыша конкретно едет!

Он замолчал.

- Климакс, наверное, - тихо сказала я. – В этот период даже нормальные и уравновешенные становятся будто не в себе.

- Да она какие-то таблетки принимает, гормоны вроде, - ответил Тим. – Только мне уже кажется, что ей еще хуже от них, постоянно в неадеквате.

Мы переглянулись с Лизой. Она пожала плечами, потом пододвинулась к нему и обняла за плечи.

- Брось ты ее, - тихо сказала Лиза. – Сколько можно? Все надеешься, что она тебе квартиру купит?

- Уже нет, - еле слышно ответил Тим и положил голову ей на плечо. – Инга после смерти Иры сильно изменилась. Темное это дело, скажу я вам, хотя следствие признало несчастный случай.

- Забудь ты об этом! – заметила я. – Только зря нервы себе мотаешь.

- Знаете, девочки, - тихо проговорил Тим, - мне уже самому хочется развязаться с ней. Моя жизнь стала невыносимой.

- А мы тебя предупреждали, - хмуро проговорила Лиза.

В этот момент в дверь настойчиво длинно позвонили.

- Не иначе Инга, - усмехнулась я и пошла открывать.

- Может, не стоит? – нервно спросил Тим и зачем-то потянулся за фартуком. – Точно она! Примчалась проверить, чем я тут занимаюсь.

Когда я открыла дверь, Инга, не здороваясь, быстро вошла и скинула шубу из соболя прямо на пол. Пригладив золотистые кудри, она вперила в меня грозный взгляд серых глаз. Увидев ее расширившиеся зрачки и побелевшее лицо, я внутренне содрогнулась.

- Добрый вечер, Инга, - вежливо произнесла я и мило ей улыбнулась. – А мы тут решили собраться тесной компанией. Давненько не виделись.

- Развлечение интимное на троих устроить надумали? – усмехнулась она и, оттолкнув меня, быстро двинулась в кухню. – Где этот неблагодарный щенок?

Я смотрела ей в спину с изумлением. Раньше Инга казалась мне умной и воспитанной женщиной. И выглядела она, несмотря на свой возраст, всегда отлично. Но сейчас ее бледное лицо, большие глаза с темными кругами под ними, неровно нанесенная помада на крупных чувственных губах производили отталкивающее впечатление. Но дело было даже не в этом. Общее выражение нервозности, жесткий взгляд, прерывающийся, какой-то лающий голос вызывали желание держаться от нее подальше.

Подняв шубу, я аккуратно надела ее на плечики, повесила в шкаф и пошла за гостьей. Тим по-прежнему сидел за столом, но зачем-то взял кухонный нож, которым Лиза разрезала торт, и нервно крутил его в пальцах. Инга стояла перед ним и молчала. Внезапно она резко наклонилась и сдернула с его колен фартук.

- Хотя бы в трусах, - глухо произнесла она. – А то я уж, грешным делом, подумала, что ты настолько обнаглел, что расхаживаешь нагишом.

- Может, кофе? – неожиданно миролюбиво предложила Лиза.

Я с удивлением глянула на нее. Ее лицо было спокойным, улыбка мягкой. Но я очень хорошо знала Лизу и заметила холод в глубине ее глаз.

«Добром все это не кончится, - начиная пугаться, подумала я. – Лиза, постоянно общаясь с рабом, поневоле стала жесткой и даже жестокой. И несмотря на свой хрупкий изнеженный вид, наверняка в состоянии сломать кого угодно».

- Я что, сюда приехала чай да кофеи распивать?! – грозно спросила Инга. – Я за этим щенком вообще-то! Ему пора домой!

Инга схватила Тима за руку и подняла его.

- Вот что, дамочка, - сухо и четко произнесла Лиза, - вы не у себя дома, так что ведите себя прилично.

- Кто бы тут рассуждал о приличиях! – расхохоталась Инга. – Какая-то дешевая девка, работающая в сомнительном заведении!

- Инга, что с вами? – попыталась я вмешаться. – Пожалуйста, успокойтесь.

- Заткнись, японская подстилка! – сказала она, резко разворачиваясь ко мне. – Это ты Тимку с толку сбиваешь! Только и слышу: Таня то, да Таня сё, да лучше Тани и Лизы и во всем мире никого не найти.

- Хватит, - спокойно произнесла Лиза, но встала, - вы достаточно сказали. А сейчас извинитесь и уходите по-хорошему.

- А иначе что? – усмехнулась Инга, надвигаясь на нее.

- Замолчи! – визгливо закричал Тим и зажал уши руками. – Иди в машину, я спущусь через минуту, только оденусь.

- Хорошо, хорошо, мой любимый котенок, - вдруг плаксиво заговорила она. – Только не огорчайся так! Все будет, как ты хочешь. Жду тебя! И быстрее спускайся! А то каждая секунда без тебя причиняет мне боль, ты же знаешь.

Инга, не попрощавшись, быстро вышла из кухни. Мы услышали, как хлопнула входная дверь. Тим вздрогнул, открыл глаза и опустил руки.

- Простите ее, - тихо сказал он. – Видите сами, в каком она состоянии. Ее любовь похожа на патологию. Нет ничего страшнее жадной любви стареющей женщины. Как же я устал!

- Но, может, все образуется? – сказала я.

- Хочу навсегда забыть об Инге, - ответил он, - но понятия не имею, как от нее избавиться навсегда. Такая жизнь хуже каторги, а я настоящий заключенный.

Когда Тим ушел, мы с Лизой долго сидели на кухне. Но разве мы могли чем-нибудь помочь ему?

- Добром все это не кончится, - хмуро сказала Лиза. И неожиданно добавила: - Поехали с нами в Париж!

Я улыбнулась такому странному повороту ее мыслей.

- А что? Тебе необходимо сменить обстановку! В общем, это дело решенное! Сейчас позвоню Григорию и прикажу все устроить в максимально короткие сроки.

- Ладно, как хочешь, - сказала я со вздохом. – Мне, и правда, пора уехать хотя бы на три-четыре дня, сменить картинку перед глазами для разгрузки психики. А девчонки сами справятся.

Из золотой записной книжки с изображением иероглифа «Тацу» на обложке:

Секреты гейш. Запах

Что переносит запах? Вода, воздух, тело. Гейша, придавая своему телу нужный запах, пользовалась проверенными временем, возбуждающими ароматами, такими как мускус, цветта, амбра. Все они раньше добывались из выделений половых желез течных самок цветты, кабарги, бобра и стоили баснословных денег. Особой популярностью пользовался мускус. Его яркий густой дразнящий аромат не оставлял равнодушным ни одного мужчину.

Смешанный с ладаном и миррой, рассеянный над тлеющими углями жаровни-хибати, мускус увеличивал влечение и силу желания клиента.

Гейши пользовались и хитростями. Они наносили на запястья и за уши капельку сока из яшмовых ворот, а затем сверху чуть сдабривали маслом розы или жасмина. И мужчины, ощущая этот запах, притягивались к ним странной и непонятной им самим силой.

Но для приема покровителя гейша, кроме запаха своего тела, услаждала обоняние любовника ароматом воздуха, напоенного благовониями. Она действовала, исходя из настро-

ния мужчины. Если он раздражен и утомлен, использовала масло лимона, апельсина, лаванды, если хотела поднять его боевой дух, то в ход пускалось масло розы и жасмина. Если же ее целью было усилить половое влечение, то масло иланг-иланг мгновенно тонизировало вялого гостя.

Кроме этого в арсенале ее средств - ароматические ванны. Поняв состояние мужчины, она предлагала погрузиться в горячую воду с морской солью и несколькими капельками масла. Пять капель масла розмарина, три – пихты способны мгновенно снять физическую усталость, а сочетание аниса и иланг-иланг настраивали на эротический лад.

Окруженный ароматами, расслабленный гость погружался в изысканную атмосферу, кардинально отличающуюся от его привычного мира, и очень неохотно покидал ее, мечтая вернуться вновь.

Мы улетели первым утренним рейсом и были в аэропорту Руасси–Шарль де Голль в десять утра по местному времени. Париж встретил нас мягкой, но сырой погодой. Павел Николаевич, все-таки мне удобнее его называть Григорий, почти все время молчал, робко поглядывая то на Лизу, то на меня. Его холеное моложавое лицо со светло-голубыми глазами, гладкой кожей и капризным ртом вызывало у меня неприязненное чувство.

«Ему должно быть за сорок, - думала я, глядя в иллюминатор и невнимательно слушая оживленную речь Лизы. – Но, видно, как он тщательно следит за собой. Наверное, маски делает, массаж, крем втирает. Что-то во всем этом противоестественное для мужского характера. Хотя, – я невольно усмехнулась, - о чем это я? Он уже давно не мужчина, а игрушка в руках Лизы, ее раб Григорий».

- Смотрю, ты уже улыбаешься, - заметила в этот момент она, придвигаясь ко мне. – Как приятно это видеть. И как я рада, что все-таки уговорила тебя поехать!

- Да, дорогая, - мягко ответила я и погладила ее руку. – Мне необходим отдых, сейчас я это очень хорошо понимаю.

Мы поселились в отеле практически в центре города. Он находился в 9-ом округе Парижа в двух шагах от «Гранд-Опера». Недалеко было метро с таким же названием: «Опера». В пределах пешеходной прогулки располагались такие известные места, как Лувр, площадь Согласия, Вандомская площадь. Внутри отеля сохранялась и поддерживалась изысканная атмосфера 20-х годов с инкрустированной мебелью, пушистыми коврами и хрустальными люстрами. Григорий заказал два двухместных номера, расположенных рядом. Лиза сразу решила, что будет жить со мной.

- Но, дорогая госпожа, я мечтал..., - умильно прошептал он, когда она забросила свою сумку в мой номер и встала в коридоре перед ним с довольно суровым видом.

- Что?! – громко спросила Лиза, придвигаясь к нему. – Ты вздумал, гаденыш, обсуждать мои решения?! Марш к себе! И жди, когда я соизволю тебя навестить.

- Да, мое божество, слушаюсь и повинуюсь,- еле слышно произнес Григорий и опустил глаза.

Когда мы вошли в номер, Лиза упала на диван и счастливо засмеялась. Я глянула на нее с улыбкой, потом подхватила свою сумку и понесла ее в спальню. Там остановилась в задумчивости. По центру располагалась большая двухместная кровать, застеленная синим в узорach покрывалом. Да и вся спальня была выдержана в синих и голубых тонах. Мой взгляд скользнул с темно-синего ковра, устилающего пол, на стены с сиреневато-голубыми обоями в крупную строгую вертикальную полоску. Потом я посмотрела на две картины, висящие над темным деревянным изголовьем. Это были эскизы двух очаровательных девушек. Вернее их головы, повернутые в профиль. Они также были выполнены в серо-голубых тонах. Но мебель и рамы на этих картинах были шоколадно-коричневыми. Я заметила на круглом столике возле огромного окна, занавешенного голубоватым тюлем, белую округлую керамическую вазочку со свежими белыми розами и невольно улыбнулась, подумав, что розы по идее должны быть голубыми.

- Лиза, - громко сказала я. – Ты с какой стороны будешь спать?

Но она не ответила. Я открыла шкаф и начала укладывать вещи.

- Лиз! Ты где? – через какое-то время вновь позвала я.

Потом в недоумении выглянула из спальни. Лизы в гостиной не было, только работал телевизор. Я посмотрела на экран. Шел какой-то боевик, судя по бегающим между машинами людям в масках и с оружием в руках. Звук был очень тихим. Я заглянула в ванную, там все было в безупречном порядке. Два белоснежных махровых халата висели на стене, ряд белых полотенец расположился на позолоченных вешалках, маленькие белые флакончики с шампунями, жидким мылом, тюбики с зубной пастой сияли матовыми позолоченными крышечками.

«Наверное, Лиза решила навестить раба», - усмехнулась я.

И зачем-то отправилась в соседний номер. Постучав и не услышав ответа, я приоткрыла дверь и заглянула. Лиза сидела в кресле, откинувшись на спинку и улыбаясь злорадно. Григорий стоял перед ней на коленях и медленно, едва касаясь, целовал ее сапоги. Я не стала мешать и вернулась в свой номер. На душе стало грустно.

Лиза вернулась в номер примерно через час и глянула на меня украдкой и немного виновато. Но я сделала вид, что даже и не заметила ее отсутствия. Я лежала на диване и смотрела какое-то музыкальное шоу. Лиза устроилась у меня в ногах.

- Не мешало бы уже и пообедать, - заметила я и выключила телевизор.

- Точно! – обрадовалась она. – Тань, раба-то я могу взять? А то он наверняка тоже голодный.

- И зачем ты меня спрашиваешь? – с улыбкой ответила я. – Решаешь в этом случае только ты.

Она лишь улыбнулась и кивнула.

Мы пообедали в ресторане при отеле.

- А сейчас гулять! – радостно сказала Лиза. – Погода чудесная! И не верится, что январь. В Москве снега полно и мороз, а тут просто весна!

- Скорее поздняя осень, - неожиданно ворчливо заметил Григорий. – К тому же сыро и туманно. И как-то голо. У меня может спина заболеть от этого промозглого воздуха.

Он поежился и нахмурился. Я с удивлением глянула на его капризный вид. Сейчас он выглядел, как избалованный мужчина, привыкший к комфорту и покою. Но как только Лиза остановила на нем строгий взгляд, он сразу сжался и опустил глаза.

- Ты что, собрался в номере валяться после такого плотного обеда? – сурово поинтересовалась она. – Порция лукового супа, фрикасе из кролика с шампиньонами, крем-брюле. Это огромное количество калорий! А у тебя и так пузо растет.

- Прости, прости, - залепетал он. – Ты же знаешь, что я люблю вкусно покушать! Это одна из моих слабостей.

- Ты и так одна сплошная слабость, - сухо заметила она. – Пора бы плеткой тебя так отделать....

- Слушай, Лизавета, - перебила я, - давай одни погуляем? Зачем нам этот жалкий раб? Будет нить всю дорогу.

Она посмотрела на меня задумчиво. Потом тряхнула волосами и засмеялась.

- Если ты так считаешь, то идем. Слышь, придурок, - повернулась она к замершему Григорию, - а где наш персональный гид? Мы же не знаем французский!

- Он ждет вызова, - ответил Григорий оживленно. – По звонку сразу прибудет к нам.

- Я английский отлично знаю, - вмешалась я. – Может, обойдемся? Или ты хочешь на экскурсии?

- Не сегодня! – ответила Лиза. – Думала по магазинам побегать. Шопинг – лучшее средство от женской хандры и усталости.

- Это точно! – обрадовано заметил Григорий и даже выпрямился, приняв прежнюю осанку достойного уважаемого мужчины. – Но вечером у нас посещение оперы. Билеты уже у меня.

- Вот же скотина! – тут же возмутилась Лиза. – Что ж ты раньше не предупредил? Нам необходимо купить соответствующие наряды!

- Я говорил тебе, дорогая, и не раз. Но ты, видимо, не обратила внимания.

- Что?! – вскрикнула она и встала, нависая над ним. – Критиковать госпожу вздумал? Тебе это даром не пройдет!

Григорий закрыл глаза и вжал голову в плечи. Я заметила, что на нас начинают обращать внимание клиенты ресторана.

- Лиза, нам пора! Чего ты время зря тратишь?

- Действительно, – хмыкнула она и вновь начала улыбаться. – Я с ним вечером разберусь после спектакля. Все узнаешь, гаденыш! – прошипела она.

- Хочу этого больше всего на свете, – еле слышно ответил Григорий и поклонился ей. – Буду ждать с нетерпением твоего возвращения, госпожа.

- Расплатись, а мы пошли! – ответила Лиза. – Пока свободен.

Она направилась к двери, изящно покачивая бедрами в узкой, обтягивающей юбке.

Короткий жакет выгодно подчеркивал линии ее великолепной фигуры. А сапоги на высокой шпильке делали ноги еще длиннее и стройнее. Я заметила, что многие мужчины оторвались от своих тарелок и невольно провожают ее восхищенными взглядами.

«Красивая, умная, юная, – подумала я, идя за ней, – но несчастная. И почему? Может, все-таки встретит еще свое счастье!»

Мы вышли из ресторана и направились по улице без всякой цели, поглядывая по сторонам. Город выглядел размытым из-за туманного сырого воздуха. Дома были здесь в основном старинные и высокие, украшенные лепниной, колоннами и небольшими скульптурами, потемневшими от времени. Народу было немного, как, впрочем, и машин. Между тротуаром и проезжей частью росли одинаковые на вид деревья. У основания их стволов были оставлены совсем небольшие круги незакрытой плитами земли.

«Boulevard Haussmann» - увидела я табличку на стене дома с названием улицы, по которой мы шли.

- Надо же этот бульвар называется так же, как ресторан отеля, Хаусманн, – пробормотала я.

- Что ты сказала? – спросила Лиза, поворачиваясь ко мне и запахивая полы короткого пиджака из голубой норки.

- Гида нужно было взять, – заметила я. – Он бы нам все объяснял и показывал.

- Еще чего! – хмыкнула она. – Путался бы под ногами и мешал наслаждаться прогулкой по Парижу. К тому же Григорий мне сообщил, если тебе так уж интересно, что бульвар, на котором находится наш отель, назван в честь барона Хаусманна, префекта Парижа позапрошлого века, кажется, который тут все фанатично перестраивал. Григорий подготовился к поездке и проштудировал путеводители на всякий случай, чтобы меня лишний раз не злить.

- Понятно. И все-таки я люблю учиться и узнавать что-то новое. И персональный гид...

- Танька! – громко воскликнула Лиза, не дав мне договорить. – Ты становишься занудой! Ведь мы в мировой столице моды и любви! Забудь ты хоть здесь, что ты гейша и должна по традиции постоянно учиться чему-то новому. От этого с ума можно сойти!

- Ого, красавица моя, – засмеялась я, – как ты заговорила!

- Посмотри лучше, какие кадры нам навстречу идут! – оборвала она меня.

В этот момент нам подмигнули два симпатичных, стильно одетых парня и что-то быстро проговорили на французском. Кроме слова «мадемуазель» я ничего не поняла. Лиза отрицательно покачала головой. Тот, что был повыше, вновь что-то сказал. Его карие глаза искрились

весельем, губы улыбались. Я ответила на английском, что мы не понимаем. Парни раскланялись и ушли. Лиза оглянулась им вслед и задумчиво улыбнулась.

- Я рада, что ты интересуешься противоположным полом, - заметила я. - А то заиклась на играх с этим жалким Григорием и никого вокруг не замечаешь!

- Сама не знаю, что на меня нашло! Но эти парни такие симпатяги, - ответила Лиза, оставаясь возле витрины магазина одежды и внимательно изучая вывеску со словом «soldes».

- Слушай, Танюх, что-то я слышала об этих зимних сольдах, - с воодушевлением заявила она. - Это же знаменитые январские распродажи с офигительными скидками. Пошли, а? К тому же продавцы наверняка должны понимать английский.

И мы открыли дверь магазина.

Через час выкатились оттуда, нагруженные пакетами с покупками.

- Придется в отель вернуться, - сказала я. - Чего ты не захотела воспользоваться доставкой?

- Просто собираюсь все это сейчас же примерить! - оживленно ответила Лиза. - Не забывай, что вечером в оперу. Обязательно надень бархатное темно-синее платье, которое ты примеряла предпоследним. Помнишь? У него такое умопомрачительное декольте! И разрез сбоку! А я буду в красном с золотой вышивкой.

- Но туфли? - спохватилась я. - Не пойдем же мы в сапогах!

И мы вернулись в магазин. Отдав пакеты и записав, куда их доставить, мы вышли на улицу и облегченно засмеялись.

Следующий час ушел на то, чтобы подобрать туфли под наши наряды. На наше счастье, свернув в один из переулков, мы наткнулись на обувной магазин. Увидев выставленные на витрине изящные красные лодочки на высоченной шпильке, Лиза схватила меня за рукав и потащила внутрь. Отправив выбранную обувь в отель, мы, чрезвычайно довольные, вышли на улицу.

- Супер! - сказала Лиза. - И у нас еще масса времени! Может, окультуримся?

- Что ты имеешь в виду? - рассмеялась я.

- Ну, в Лувр сходим. Тут недалеко. Посмотрим на великие произведения.

- Думаешь? - неуверенно произнесла я. - Только давай для начала перекусим где-нибудь!

Мы пошли по улице, внимательно изучая вывески в надежде найти какое-нибудь маленькое уютное кафе. Остановившись на перекрестке и ожидая, когда загорится зеленый, мы весело болтали о всяких пустяках. Мне нравилось оживление Лизы. Она явно получала удовольствие от всего, что видела.

- Как мне симпатичен этот город! - с восторгом говорила она, вертя головой. - Такой старинный, даже, я бы сказала, древний. Чувствуешь себя на подобной улице, словно героиня романа Дюма, какая-нибудь графиня де Монсоро.

- Смотри, - прервала я ее излияния, - вот там что-то в японском стиле. Я вижу подобие каменного фонаря торо у входа. Пойдем туда?

Мы не стали переходить улицу, а свернули вправо и пошли по узкому переулку. И через несколько метров увидели небольшой японский ресторан.

- Якитори, - прочитала я вывеску и повернулась к Лизе. - Если название соответствует, то мы найдем здесь маленькие шашлычки из куриного мяса и кальмаров. В Токио они были восхитительно вкусными.

Зал был оформлен в традициях Японии, что меня порадовало. Стены обшиты панелями из натурального дерева, украшены какэмоно с каллиграфией, с потолка свешивались бумажные фонари с иероглифами на боках. Но столы были обычными европейскими. Правда, на каждом красовалась икебана в красивых глиняных вазах. В углу зала я заметила небольшой полукруглый подиум и подумала, что здесь, видимо, бывают выступления артистов.

«Неужели что-нибудь японское?» - обрадовалась я, идя за администратором, который, как только мы вошли, бросился к нам, низко кланяясь и улыбаясь. Он был в накидке хаори. Но на вид скорее кореец, чем японец.

- Коннитива, - поздоровалась я на всякий случай на японском.

Это означало «добрый день». Но он глянул на меня равнодушно. И пригласил нас за столик на двоих недалеко от подиума. Почти все остальные места были, к нашему удивлению, заняты. Нам подали меню. Меня порадовало то, что оно было на трех языках: японском, французском и английском.

- О! Здесь есть настоящие японские блюда, - сказала я, изучая меню. - И множество соусов на основе сои.

- И знаменитое васаби? - поинтересовалась Лиза.

- Да вот же, - тихо засмеялась я, - перед тобой прибор стоит. Васаби в таких рестораничках обычно подается бесплатно, так же как и соль. Но смотри, это зеленый хрен, крайне острая приправа!

- Хорошо, учту! - улыбнулась она и мельком оглядела зал. - А тут довольно уютно. Надеюсь, все эти сушеные сверчки и склизкие водоросли придутся мне по вкусу.

- Глупая! - тихо рассмеялась я. - У тебя странное представление о японской кухне. Закажу-ка я тебе..., - я вновь начала изучать меню, - фирменное блюдо «Якитори». Это шашлычки из куриного мяса и морепродуктов, поджаренные на бамбуковых шпажках. Кроме этого возьмем салат из водорослей вакаме и консервированного тунца, морские гребешки под соусом тофу, а на десерт папоротниковые лепешки «Варабимоти» и мороженое из зеленого чая.

- Язык ломаешь такими названиями, - заметила Лиза. - Надеюсь, все это вкусно!

Скоро нам принесли заказ. Меня порадовало, что посуда была соответствующая: простые на вид однотонные керамические тарелки, чашки и, естественно, хаси, палочки для еды. Но также подавались обычные столовые приборы. Лиза взяла вилку и внимательно начала изучать свою тарелку. На темно-зеленом фоне красиво смотрелись цветные водоросли, сложенные аккуратной кучкой с краю и коричневые ломтики тунца, выложенные по центру в виде маленькой рыбки с хвостиком из зелени.

- Н-да, - задумчиво протянула Лиза, трогая вилкой водоросли, - даже жаль разрушать такую красоту.

- По японской традиции вначале нужно получить наслаждение от созерцания, а затем приступать к еде, - пояснила я. - Приятного аппетита!

Я взяла хаси и подцепила листик салата.

В этот момент на подиум вышли три девушки в ярких кимоно, и я невольно замерла с поднятыми палочками. Сбоку подиума заняли место музыканты. Их было трое. Я увидела цитру кото, флейту хаяси и барабан цудзуми. Девушки поклонились, музыканты заиграли, и начался какой-то неизвестный мне танец с веерами. В руках каждой исполнительницы их было по два. Весь номер был построен на синхронных движениях рук, быстром верчении вееров на пальцах, одновременных взмахов и поворотов. Девушки мало передвигались по подиуму, в основном, оставаясь на местах. Эффектной концовкой этого стилизованного танца был переброс вееров по кругу. Казалось, что шесть больших разноцветных бабочек вспорхнули над головами девушек. Посетители ресторана дружно ахнули, когда они взлетели вверх, потом начали бурно выражать восхищение и даже хлопать в ладоши, когда девушки ловко поймали веера.

«Оригинальный номер, - подумала я. - Нужно запомнить и использовать в моих постановках»

- Но ведь это не гейши, - заметила Лиза. - У них лица нормального цвета.

- Конечно, не гейши, - улыбнулась я, глядя на нее. - Это даже не японки, а просто танцовщицы с восточной внешностью. Но номер очень красив.

- Да, - согласилась она, беря шпажку с шашлычком. – А как красив вон тот парень! Он просто не спускает с тебя глаз, – тихо добавила она.

Я повернула голову вправо и тут только заметила, что недалеко от подиума сидит художник и быстро зарисовывает танцовщиц, поставив на колени небольшой мольберт.

- Надо же, - заметила я, - и не увидела сразу. Но с чего ты взяла, что он на меня смотрел? Он, по-моему, поглощен своим делом.

Но в этот момент художник оторвался от мольберта и повернул голову. Наши глаза встретились, и странный холодок побежал по моей спине. Я невольно вздрогнула от этого непонятного ощущения.

Из тетради лекций Сайюри:

То, что происходит между двумя любящими за закрытыми дверями их спальни, не подлежит обнародованию. Но многие девушки и даже взрослые женщины отчего-то любят похвастать мужской силой своего партнера в кругу подруг. А зависть – это негативная эмоция, и зачем вызывать ее даже у близкой тебе подруги? Любая негативная эмоция моментально разрушает гармонию. Мы и не подозреваем, какова сила энергии, заключенная не только в словах, но даже мыслях. Недаром есть поговорка: счастье любит тишину. Молчите о своем счастье, никогда и никому не рассказывайте о нем, и энергия любви будет в сохранности, как драгоценный алмаз в закрытой наглухо шкатулке.

Его звали Кристиан. Он оказался моим ровесником. Ему было, как и мне, двадцать один год. Как позже выяснилось, он даже родился со мной в один месяц, только я - пятого сентября, а он - десятого.

Когда Кристиан подошел к нашему столику и вежливо поздоровался на французском, я все еще была под странным впечатлением от его взгляда и не сразу ответила. Лиза толкнула меня под столом коленом, и я пришла в себя.

- Простите, вы что-то сказали? – спросила я машинально на русском.

- Товарищ не понимает, - прошептала Лиза и улыбнулась немного беспомощно.

- Не беспокойтесь, понимаю, - ответил он на отличном русском, словно был нашим соотечественником.

- О! – воскликнули мы одновременно с Лизой и рассмеялись.

- Присаживайтесь, - предложила я.

Кристиан неторопливо прислонил мольберт к стене, взял свободный стул и перенес его к нашему столику. Я украдкой наблюдала за ним. Его невысокая гибкая фигура, изящные движения оставляли впечатление некоторой изнеженности и утонченности. К тому же странное сочетание больших черных глаз, четко очерченных черных бровей с необычайно белой кожей лица, нос с горбинкой и бледно-розовые губы выглядели аристократично. Густые короткие волосы были почему-то при таких черных бровях и глазах очень светлыми, почти белыми. Его одежда казалась нарочито небрежной - синие вытертые джинсы, мешковатый свитер, шарф с помпонами, переброшенный через плечо, белый мягкий берет, надетый чуть набок. Хотя все это ему необычайно шло. Я обратила внимание, что короткая челка по цвету почти сливалась с белым беретом.

Когда Кристиан уселся, то зачем-то вновь поставил мольберт на колени и взял толстый черный карандаш. Мы представились друг другу.

- Извините за назойливость, - сказал он и обворожительно улыбнулся, - но я восхищен необычной красотой Тани. И не мог не подойти к вам. Я тут типа постоянного мазила при этом заведении, выполняю заказы желающих. Сейчас это очень модно, по крайней мере, в Париже, делать не фотографии, а вот такие моментальные зарисовки с натуры. Но для вас могу бесплатно, так как очарован вашей красотой. И я помешан на всем японском. Поэтому

и устроился сюда. Раньше я вообще на бульварах рисовал. Таня на вид настоящая японка, к тому же необычайно красивая и утонченная. И я удивлен, что она оказалась русской.

- Понятно, - оборвала его излишняя Лиза. – А я, значит, вам не особо понравилась? – лукаво добавила она.

- Нет, что вы! – заулыбался Кристиан. – Вы тоже замечательная красавица, но совсем другого типа. Так что, я могу начинать?

- Да вы, вроде, и так уже начали, - наконец, обрела я дар речи. – И в какой манере пишете?

- В разной, - ответил он после паузы, во время которой быстро двигал карандашом по желтоватому листу плотной бумаги. – Но ваш портрет вижу в простом, но изысканном стиле великого японского художника Утамаро. Кстати, француз Тулуз-Лотрек, не менее знаменитый, чем Утамаро, просто обожал его картины. И, я думаю, его весьма известный бордельный цикл был навеян идеями японского мастера.

Я заметила, как Лиза вздохнула украдкой и глянула на меня умоляюще.

- Все это очень интересно, - мягко проговорила я, - но дело в том, Кристиан, что мы сегодня вечером идем в театр, так что сами понимаете. Нужно собраться, привести себя в порядок и все такое. Поэтому нам пора уходить.

- О! Как жаль! – искренне огорчился он.

Карандаш замер в его пальцах, глаза повлажнели и стали походить на огромные черные агаты. Я внимательно посмотрела на него и вновь почувствовала странное волнение. После небольшого колебания записала номер гостиничного телефона в углу листа бумаги. На желтоватом фоне уже проступали очертания девушки с опущенными глазами и грустной улыбкой.

- Зачем ты дала ему телефон? – немного недовольно поинтересовалась Лиза, когда мы вышли из ресторана.

- Сама не знаю, - тихо ответила я. – Наверное, понравился.

- Непонятный он какой-то, - продолжила она и зачем-то остановила такси.

- Пешком пройдем, - попробовала я возразить, но она уже открыла дверцу и сказала на русском: - Отель Амбассадор.

Таксист ее прекрасно понял, улыбнулся и кивнул.

- Посмотри на часы, - сказала она, когда мы забрались в такси. – Нам же нужно привести себя в порядок. Да и надоело мне пешком таскаться!

- Ах, ах! Какие мы принцессы! – рассмеялась я.

Таксист обернулся и тоже радостно засмеялся. Мы непонимающе на него посмотрели, но он только подмигнул и вновь стал смотреть на дорогу.

- Ненормальный какой-то, - тихо заметила Лиза, с подозрением глядя на его аккуратно подстриженный затылок. – Как и этот твой новый ухажер!

- Ну почему сразу ненормальный? – спросила я и не смогла сдержать улыбки, глядя на ее недовольное лицо. – Просто у него настроение хорошее и он радуется таким красоткам, как мы с тобой.

- Да бог с ним, с водилой, - ответила она. – Но этот Кристиан! Так тебя и ел глазами! Просто до неприличия.

- Лиза! Да ведь он художник!

- Но все-таки странно. Имя не наше, а говорит, как наш. Лицо тоже явно не русское. Но, конечно, хорош. Эти белые волосы и жгучие черные глаза, очень необычно! Ты, часом, не влюбилась? – с подозрением уточнила она.

- А тебе жалко что ли? – усмехнулась я.

- Господи! – не на шутку испугалась она и развернулась ко мне всем корпусом. – Только этого мне не хватало! Мы в чужой стране, непонятно, что за парень. Мы ничегошеньки о нем не знаем!

- Да успокойся ты! Он и не позвонит. Эскиз у него есть, мы с ним даже расплатились, хотя непонятно за что.

- Вот именно, - нахмурилась Лиза, – ты сама сказала, что эскиз у него есть. А, значит, он может написать картину. Вот и повод принести ее тебе в гостиницу.

- И прекрасно! – отмахнулась я. – Давай закроем эту тему.

Лиза отодвинулась в угол и нахохлилась. Таксист вновь зачем-то повернулся к нам и опять подмигнул.

- А у этого явно нервный тик, - тихо заметила она. – Ох, уж эти французы! Добра от них не жди.

Спектакль начинался в половине восьмого. Мы приехали в отель около шести. Лиза мгновенно скрылась в ванной, даже не зайдя в номер Григория. Я скинула одежду и улеглась на диване, потягиваясь всем телом. Навалилась усталость, и даже в оперу идти не хотелось.

«Что там сегодня за спектакль? – подумала я и вяло потянулась за билетами, лежащими в конверте на столике.

Я поняла, что это опера Моцарта, но название «Cosi fan tutte» ничего мне не сказало.

«Может, отказаться и остаться в номере? – подумала я, бросив билеты на пол и перевернувшись на спину. – Приму ванну, поваляюсь на диване, просто отдохну».

- Иди, ванна свободна! – раздался в этот момент приглушенный голос Лизы из приоткрытой двери.

- Сейчас, - ответила я, но не подумала встать.

Лиза скоро появилась в халате и с мокрыми волосами.

- Ты чего разлеглась? – возмутилась она. – Быстро приводи себя в порядок! У нас почти нет времени.

- Успеем, - равнодушно ответила я. – До Гранд-Опера два шага.

- Что это за настроение? – затормошила она меня. – Собирайся, кому говорю!

В дверь постучали.

- Не иначе твой раб явился, - заметила я и встала, накинув халат.

Лиза пошла открывать, что-то недовольно бурча себе под нос.

Но это оказался Кристиан. Я буквально онемела, когда его увидела.

- Но каким образом?... – начала я, придя в себя и, к своему удивлению, почувствовала, что краснею.

- Решил лично, - мягко ответил он. – Не возражаете?

- Пойду Григория потороплю, - сказала Лиза, выглядывая из-за его спины, и тут же скрылась.

Я нервно запахнула халат и пригласила гостя присесть. Кристиан снял короткое серое пальто, шарф, но почему-то остался в берете. Он подошел к дивану и поднял валяющиеся билеты.

- О! Опера Моцарта! – проговорил он, кладя билеты на стол и не сводя с меня глаз.

- Наверно, - ответила я, тоже неотрывно глядя на него. – Только я совсем не знаю французский.

- Ее полное название «Так поступают все женщины, или Школа влюбленных», - тихо пояснил Кристиан и сел рядом со мной. – Она в двух действиях, участвуют оркестр и хор национальной Парижской оперы. Сюжет довольно тривиален. Два молодых итальянских офицера решили проверить верность своих невест. Они переоделись в албанцев и начали их соблазнять и так далее. Я видел пару месяцев назад. Вам должно понравиться.

- Возможно, - сказала я и улыбнулась. – Но откуда вы здесь, Кристиан?

- Соскучился! – спокойно ответил он. – К тому же мне необходимо видеть модель, иначе рисунок будет неточен.

- Но..., - начала я и замолчала.

- Ты все понимаешь, - тихо проговорил он и придвинулся ко мне.

Его черные глаза неотступно смотрели на меня и, казалось, гипнотизировали.

- А мы уже перешли на «ты»? – тихо уточнила я и отодвинулась, запахивая разъезжающиеся полы халата.

- Конечно, - уверенно сказал Кристиан и улыбнулся, не отводя от меня взгляда.

- Но я ничего про тебя не знаю! Как, впрочем, и ты про меня.

- Пора узнать, – заметил он и улыбнулся шире.

И от этого его лицо стало выглядеть совсем мальчишеским. Холодноватый аристократизм, присущий всему его облику, мгновенно исчез, стертый этой подкупающей искренней улыбкой.

- Знаю, я тебе небезразличен, - добавил он, не услышав моего ответа.

- Меня зовут Таня Кадзи, я живу в Москве, - начала я спокойно. – Здесь мы всего три дня, и один из них, считай, уже закончился. Ты принял меня за японку, но я являюсь ей лишь на четверть. Мой дед родом из Нагасаки. В Москве у меня свое дело, связанное с гейшами. Я и сама выступаю в этом качестве. Дважды побывала в Токио и прошла там обучение. Вот, собственно, и все. Сейчас ты, - добавила я после паузы, во время которой Кристиан смотрел на меня, не переставая улыбаться.

- Меня зовут Кристиан, - в тон мне ответил он и замолчал.

Потом порывисто встал и заходил по гостиной, заложив руки в карманы джинс.

- Сними берет, - почему-то предложила я.

- Что? – удивленно спросил Кристиан и остановился передо мной. Но берет сдернул и бросил его на пол. – А ты замужем? – неожиданно поинтересовался он.

- Нет, не была и не собираюсь, - ответила я и смущенно улыбнулась.

Ситуация начала меня напрягать, и я подумала, что не мешало бы Лизе вернуться.

Кристиан вдруг упал на колени передо мной и взял мои руки в свои. Они у него были холодными и немного дрожали.

- Таня! Я не знаю, что со мной происходит! Честно! Но как только я сегодня увидел тебя... Понимаешь, я зарисовывал танцовщиц, мои мысли улетели далеко, в Страну Восходящего Солнца. Я словно вдыхал сладкий аромат цветущей сакуры, видел очертания великой Фудзи на фоне удивительно синего неба, наблюдал за неторопливо идущей прекрасной девушкой в ярком расписном кимоно с длинными, свисающими почти до щиколоток рукавами. И вдруг что-то отвлекло меня, я повернул голову и замер. Недалеко от меня, за столиком сидела девушка с глазами, как черные вишни, с прямыми темными волосами, матово блестящими под светом цветного фонарика, в изумительно красивой блузке лазоревого цвета с летящими на ней розовыми и голубыми мотыльками. Она в этот момент повернула изящную голову и приподняла тонкими длинными пальцами палочки для еды. Ее коралловые губы приоткрылись, и... я пропал!

Кристиан замолчал и уткнулся лицом в мои колени. Вздвогнув, я услышала, как он всхлипнул. Я начала гладить его густые короткие волосы. Он замер.

«Как все это странно, - немного испуганно думала я. – И какой чувствительный парень. Но ведь он художник! Мне ли не знать, что такое творческая натура».

- И вдруг эта девушка, словно сошедшая с гравюр Утамаро, оказывается моей соотечественницей, - продолжил он, поднимая голову. – Представляешь, что я испытал, когда ты заговорила на русском? А когда ты оставила телефон отеля, я был на седьмом небе от счастья!

Я молча вытерла мелкие слезинки с его щек. Он схватил мои руки и начал страстно целовать их.

В этот момент вошла Лиза и замерла, глядя на нас с возмущением. Кристиан встал с колен и сел рядом со мной.

- Татьяна! – сказала она. – Ты все еще не готова? А нам скоро выходить. Григорий уже спустился купить сигарет и ждет нас в вестибюле.

- Извините, - тихо сказал Кристиан. – Я вас покидаю. Приятного вечера, мадмуазели.

Он поднял с пола берет, подхватил пальто и стремительно покинул номер.

- Ну, знаешь..., - начала Лиза, скидывая халат и бросаясь в спальню. – Не ожидала! И потопорись!

- Буду готова через пару минут, - ответила я, не переставая улыбаться.

Я вынула бархатное синее платье из плоской коробки и натянула его на себя. Затем надела туфли и пошла в ванную. Подняв волосы в простой гладкий узел, я украсила их своей любимой перламутровой заколкой в виде бабочки. Потом чуть подкрасила ресницы и нанесла темно-розовые румяна и розовую перламутровую помаду. Оглядев свое отражение, осталась довольной. Мои глаза сияли какой-то затаенной радостью, губы улыбались. Я, не переставая, думала о признании Кристиана.

Когда я вышла из ванной, Лиза уже стояла в гостиной. Выглядела она великолепно. Темно-красное платье с квадратным вырезом декольте плотно облегалo ее изящную фигуру, словно было сшито специально для нее. Густые и очень длинные каштановые волосы она завila в крупные локоны, и от этого ее тонкое нежное лицо выглядело так, будто Лиза была барышней XIX века, собравшейся на бал.

Она придиричиво меня оглядела и метнулась в спальню. Тут же появившись, Лиза подала мне длинный и широкий шарф, словно сотканный из серебристой паутины.

- К твоему наряду подойдет идеально, - заметила она. – Пошли, а то опоздаем на начало!

Мы спустились вниз и увидели раба Григория, в нетерпении расхаживающего по красному покрытию у входа в отель.

Когда мы подъехали к зданию оперы, до начала оставалось двадцать минут. Лизе было смешно, что Григорий решил отвезти нас, хотя от отеля идти было буквально несколько минут.

- Не хочу, чтобы ваши прелестные ножки устали идти по мостовой на таких высоких шпильках, - ответил он на замечание Лизы. – К тому же хоть и достаточно тепло, но все равно не лето!

Когда такси остановилось, Григорий помог нам выбраться, подхватил под руки и гордо повел к освещенному входу. Я подняла голову и увидела колонны и лепнину этого старинного здания. Внутри меня поразила роскошная широкая лестница, отделанная белым мрамором. А в зале Григорий обратил наше внимание на плафон под потолком. Он сказал, что в 60-е годы его расписал сам Марк Шагал. Мы заняли места в партере. Я с любопытством оглядывала публику, но мысли периодически возвращались к Кристиану, и я вновь начинала невольно улыбаться и смотрела лишь на бархатную спинку стоящего передо мной кресла.

- Гляди-ка, - зашептала мне на ухо Лиза, - вон на той даме настоящее бриллиантовое кольцо. Видишь, как сверкает? А вон сидят явно наши соотечественники. Видно по выражениям их лиц. А там какой красавец! Похож на кинозвезду. Видишь?

Она слегка толкнула меня локтем в бок.

- Вижу, вижу, - прошептала я, чтобы от нее отвязаться.

Но сама ждала только одного, чтобы быстрее началось представление, и я смогла сосредоточиться на приятных мыслях. Я так и видела черные блестящие глаза Кристиана и его мягкую улыбку.

Спектакль прошел мимо моего сознания. И я вздохнула с облегчением, когда мы вышли на улицу.

- Может, поужинаем в каком-нибудь ресторанчике? – неуверенно предложил Григорий и опасливо глянул на Лизу. – Или вы устали, милые дамы, и хотите быстрее вернуться в отель?

- Да подожди ты! – сердито ответила она, расправляя запутавшийся локон. – Не видишь, я пока думаю.

- Жду, госпожа, - тихо ответил он и опустил голову.

- Ну так что, Танюха? – спросила Лиза и взяла меня под руку. – Отправимся на боковую?

- Что вы! Как можно? Ночь только начинается! – раздался позади нас голос, и мы одновременно повернулись.

- Этого следовало ожидать! – прошипела мне на ухо Лиза. – Париж что ли располагает к такому неадекватному поведению?

Но я не ответила, пытаясь справиться с волнением.

Возле нас стоял Кристиан и мило улыбался. Его черное шерстяное полупальто было распахнуто, я увидела, что свитер тоже черный, а вот брюки были почему-то светло-серыми. Но все это выглядело элегантно и необычайно шло ему. В руках он держал два букетика светло-сиреневых фиалок.

- Не бойтесь, я не маньяк, - мягко произнес он, не сводя с меня глаз. – И даже не знаменитый призрак Оперы, который по преданию как раз живет в подвалах этого здания. Жаль, если разочаровал вас. А это для мадемуазель, - сказал он, протягивая нам цветы. – Вы позволите? – спросил он у Григория.

Тот растерянно кивнул, но промолчал. Лиза взяла фиалки и грозно на меня посмотрела.

- Я погуляю с нашим новым знакомым, - тихо произнесла я, с удивлением и страхом прислушиваясь к себе.

Давно я не испытывала такой мгновенной и сильной страсти. Я спрятала покрасневшее лицо в букетик и вдохнула тонкий, едва уловимый запах фиалок. Кристиан улыбнулся и взял меня за руку.

- Мы пошли, - сказал он. – Au revoir!

- До свидания, - растерянно ответила Лиза. – Но...

- Не волнуйтесь, ваша подруга в полной безопасности! – быстро проговорил он.

Из золотой записной книжки с изображением иероглифа «Тацу» на обложке:

Секреты гейш. Драматургия отношений.

Гейш учат с детства, что все в мире развивается по своим законам, и что развитие – это процесс со своей внутренней динамикой и построением, а вовсе не ровное непрерывное течение событий. Поэтому взаимоотношения с мужчиной гейша предпочитает выстраивать по четким канонам, чтобы получить нужный результат, а не пускать события на самотек, как делают обычные женщины. Это жесткая, веками неизменная схема, которая выглядит следующим образом:

«Взгляд с вершины Фудзи». (Экспозиция).

Выбор объекта. Из множества поклонников гейша выбирает того, кто для нее наиболее выгоден. Идеально, когда этот человек вызывает у нее нежные чувства. Но чаще всего выбирается покровитель из пожилых высокопоставленных и обеспеченных чиновников. Ведь гейша всегда должна думать о своем будущем, потому что эта профессия несовместима с бедностью. Для поддержания статуса гейше требуются немалые средства. Напомним, что кимоно всегда во все времена было самой дорогой одеждой в мире. Одно кимоно в наше время стоит от тысячи евро. А у гейш их целая коллекция на все случаи жизни.

И вот объект выбран.

«Сеть из лунных лучей». (Завязка).

Гейша прекрасно знает, что человек больше всего любит тех, кто им искренне восхищается. И она дает возможность мужчине показать себя в самом выгодном свете. Если мужчина кичится своей проницательностью, она подстроит так, что он явится перед ней во всем блеске ума. Если он храбр, она даст ему возможность проявить себя настоящим героем. Тут можно нанять мнимых бандитов, от которых объект защитит прекрасную незнакомку.

Или вдруг на его глазах красавица падает из перевернувшейся лодки в воду. Или... да мало ли можно создать ситуаций. Но здесь главное правило – гейша должна вызывать не жалость, а возжелание. Спасаясь от бандитов, она быстро семенит на высоких гэта, ее кимоно распахивается, позволяя увидеть стройные ножки. Рукава поднимаются, обнажая запястья – предмет соблазна для японских мужчин. И объект теряет голову от желания. После падения в воду промокшая одежда облепляет фигуру. Верхнее кимоно необходимо скинуть, нижний тонкий шелковый дзюбан прекрасно подчеркивает выступающую грудь, напряженные соски... Мужчина после этой встречи уже не может думать ни о ком другом. Тем более он ощущает себя героем, спасителем этого прекрасного создания.

«Прогулка вдвоем под цветущей сакурой». (Развитие сюжета).

Объект на крючке, и начинается очень тонкая игра, которая зачастую гейше доставляет необыкновенное удовольствие. Первым делом она создает ощущение, что их соединяют невидимые нити судьбы. Тут всё годится: гейша приставляет к объекту шпионов, собирает о нем сведения, а потом все это использует в общении. Когда объект необычайно заинтересован и уже изнемогает от желания, она дразнит его, являя нешуточного соперника. Объект впадает в отчаяние и без конца говорит себе, что все пропало и эта изумительная женщина для него недостижима, как луна на небе. Вот тут-то гейша и устраивает, совершенно неожиданно, короткое свидание. И показывает себя во всем блеске сексуального искусства. Объект на вершине блаженства.

«Громы и молнии в безоблачном небе». (Кульминация).

На этой пиковой точке отношений гейша изобретает причину необходимого расставания, вызванного какими-нибудь непреодолимыми трудностями. И эта разлука после того, как он вкусил райское блаженство в ее объятиях, привязывает мужчину крепче любых цепей и словно лишает рассудка.

«Совместное любовное восхождение солнца». (Развязка).

И вот гейша, преодолев выдуманные трудности, возвращается к убитому горем объекту. Наступает полное счастье. И уже от нее зависит, сколько оно продлится, потому что мужчина сейчас словно кукла бунраку в ее умелых руках, и она знает, как правильно его управлять.

Свиток второй. Отблеск огня на зеркале льда

Я открыла глаза и задумчиво посмотрела на низкий, скошенный к окну потолок, оклеенный светло-голубыми обоями в мелкий синий цветочек. Потом лениво перевела взгляд на стену с такими же обоями. Между двух раскрытых шелковых вееров висел вертикальный свиток какэмоно, на вид старинный и подлинный. Очертания горы, извилистая тропка, ведущая наверх, поднимающийся путник в остроугольной шляпе, изогнутый ствол сосны – все нарисовано схематично, тонкой кисточкой, но необычайно искусно. На веерах, один из них был ярко-красный, а другой – васильково-синий, также были изображены изогнутые веточки сосны. Мой взгляд переместился на еще одно синее пятно, и я поняла, что это мое платье, висящее на спинке стула. Я вздохнула и улыбнулась, чувствуя приятную ломоту во всем теле. Давно у меня не было такой бурной ночи.

Повернувшись на бок, я невольно засмеялась, увидев Кристиана, сидящего на цветной циновке, застилающей пол. Он, естественно, рисовал. При этом был полностью обнажен.

- Добрый день, бисёдзё, - тихо сказал Кристиан, не отрывая взгляда от листа бумаги.

«Бисёдзё» в переводе с японского означает «красавица».

- Привет, бисёнэн, - в тон ему ответила я.

- А что это? – удивленно спросил он.

- Не знаешь? Переводится: красавчик, - расхохоталась я.

- Ты мне льстишь, - тихо проговорил Кристиан и непритворно засмутился. Его рука с кусочком угля в пальцах замерла. Глаза неотрывно смотрели на меня.
- Ты прекрасна, как раскрытые цветы камелии. Так бы и писал тебя целыми сутками! Я невольно натянула на себя простыню и пробормотала:
- Надеюсь, не в голом виде?

Кристиан развернул ко мне лист. Я увидела девушку, присевшую на скамью, которая стояла под низкорослой изогнутой сосной. Девушка склонилась и поправляла ремешок дзори на высокой платформе. Ее нога была видна между разошедшихся краев кимоно. Рядом на скамье лежал раскрытый гофрированный зонтик с неясным рисунком.

- Красиво, - задумчиво проговорила я, изучая эскиз. – Это я?
- А разве непохожа? – восторженно воскликнул Кристиан. – Но я еще не закончил!
- Не волнуйся так, - сказала я. – Но, знаешь, настоящая японка никогда не станет поправлять ремешок обуви на улице и тем более показывать ногу. Это неприлично.
- А если гейша? – спросил он и улыбнулся.
- Исключено. Тем более она у тебя не в образе. Это просто стилизованный наряд, передающий распространенное мнение о японках. К тому же гейши носят таби. Ну ты знаешь, это такие носочки с выделенным большим пальцем. С босыми ногами они не ходят.
- Почему? – удивился Кристиан.
- Потому что босоногими ходят лишь юдзё, - пояснила я.
- О! – только и сказал он и вновь начал что-то быстро рисовать. – И кто это? Хотя догадываюсь...

- Ю дзё – дословно: женщина для удовольствий, - сообщила я. – Но гейш так никогда не называют.

- Я так и подумал, - тихо ответил он, не отрываясь от работы.
- А если так? – спросил он через какое-то время и показал мне рисунок.

Я невольно рассмеялась, потому что Кристиан уже нарисовал носочки. К тому же огородил участок с сосной и скамьей невысоким забором, сложенным из неровных камней.

- Она у себя дома, и никто, к сожалению, не видит ее прелестной ножки, пусть и в носочках, - пояснил он.

- Но так проигрывает композиция, - резонно заметила я. – К тому же такие заборы не вполне соответствуют японской традиции.

- И что я буду делать без таких ценных замечаний, когда ты покинешь меня? – спросил Кристиан и вздохнул.

Он аккуратно положил лист ватмана на циновку, вытер тряпочкой пальцы, испачканные углем, и бросился в постель.

Упав на меня, Кристиан начал целовать мои губы, не отрываясь. Я обхватила его руками, прижалась, ерзая напрягшимися сосками по его груди.

- Придется приехать в Москву, - сказал, задыхаясь, Кристиан, на секунду оторвавшись от меня и глядя затуманенными глазами.

- Молчи, - прошептала я и нашла пальцами его вставший нефритовый стебель.

Закинув ноги ему на поясницу, я тихо застонала, почувствовав, как он резко вошел в меня. Наши «фрукты лопнули» практически одновременно. Кристиан вскрикнул, но не выпустил меня. Он продолжил выполнять ходы любви, правда, делал это медленно и нежно...

Когда мы в полном изнеможении сползли с кровати, я первым делом встала под холодный душ. Окончательно придя в себя, накинула мужское кимоно из плотного шелка стального цвета. В мансарде оказалась крохотная кухонька со всем необходимым, и я приготовила зеленый чай и бутерброды. Мы сидели в комнате на полу, медленно попивая чай из красивых керамических пиал и беседуя, словно были знакомы тысячу лет. Кристиан оказался на четверть французом, хотя родился и вырос в Санкт-Петербурге.

- Моя бабушка, ее, кстати, зовут Кристиан, все еще жива, - неторопливо рассказывал он, сияя мне глазами. – Она родом из Бордо, это на юго-западе Франции. Но у этой ветви семьи бизнес, далекий от виноделия. Мои родичи содержат лавку антиквариата, что тоже приносит неплохие деньги. Так что я совсем не бедный художник, как ты, наверное, решила. Просто мне нравится так жить. В семнадцать я уехал из Питера, потому что родители разбежались и каждый занимался устройством своей жизни. Им до меня и дела не было.

Кристиан замолчал и встал. Подойдя к шкафу с раздвижными дверцами, он достал маленький фотоальбом в потертой кожаной обложке и подал его мне.

- Вот посмотри, - сказал он и улыбнулся. – Здесь все мои родные.

Я раскрыла альбом и стала разглядывать незнакомые мне лица. Кристиан лег на пол и положил голову мне на колени.

- И после окончания школы я решил, что с меня хватит всех этих треволнений из-за родителей, - продолжил он, - не стал никуда поступать, а уехал к бабушке. Сколько крику было, ты бы слышала! Отец мечтал, что я стану морским офицером, а мать видела меня успешным финансистом. Но я всегда обожал рисовать и много лет посещал студию. Около года я жил у бабушки и даже брал уроки живописи. А потом мотанул в Париж, снял эту мансарду и веду такой образ жизни, какой мне нравится. А пару лет назад съездил с одной подружкой в Киото и Токио и просто потерял голову от японской культуры и искусства. Влюбился на всю жизнь. И с тех пор стал изучать японскую школу живописи.

- Понятно, почему ты работаешь в том ресторане, - заметила я, отложив альбом в сторону и мягко проводя пальцами по его волосам. – Слушай, а в Париже есть настоящие гейши?

- В Париже есть все! – немного хвастливо заметил Кристиан. – Не забывай, что это столица мира! Хочешь посмотреть?

- Еще бы! – улыбнулась я. – Это всегда познавательно. Один из способов обучения – наблюдение. Юные ученицы постоянно присутствуют на вечерах, выступлениях и тому подобном. И словно губки впитывают мастерство старших сестер. Но я считаю, что этот способ и опытная гейша не должна отвергать. И потом это так интересно! К тому же обязательно запоминаешь что-то новое для бизнеса.

- Ты и читаешь, наверное, много по теме? – спросил Кристиан, с любопытством на меня глядя.

- Когда есть время и подходящая литература, - ответила я и улыбнулась, проведя пальцем по красивой линии его губ.

Он легко укусил меня за палец и вскочил.

- Где-то у меня была одна книжка, и там очень интересный фрагмент..., - бормотал Кристиан, копаясь в шкафу. – Но разве в этом бардаке что-нибудь можно найти?

- Что за книжка-то? – спросила я, вставая и подходя к нему.

- Воспоминания Мирей Матьё, - ответил он, продолжая искать. – Слышала о такой?

- Конечно! Певица? Она была очень популярна в шестидесятые. У моих родителей даже пластинка с ее песнями сохранилась. Но...

- Сейчас, сейчас.... Вот! – радостно воскликнул он и повернулся ко мне с потрепанной книжкой в руках. – Не знаю, вышла ли она в России. Этот экземпляр на французском. Но я тебе переведу. Здесь небольшой отрывок.

Кристиан сел на пол, быстро перелистывая книгу. Я устроилась рядом, заглядывая в страницы. Мне было так хорошо с ним, что, в принципе, мало интересовало, что он хочет прочитать или сказать. Я наслаждалась тем, что Кристиан рядом. И пока не анализировала ситуацию, а просто плыла по течению, поддаваясь возникающим чувствам.

- Вот! – оживленно сказал он. – Слушай! Она пишет о банкете с гейшами очень красиво и изысканно. Судя по этим воспоминаниям, они произвели на певицу неизгладимое впечатле-

ние. Чего только стоит описание наряда, сидящей рядом с ней гейши, ее прически, сложном сооружении, где цветы соседствуют с позолоченными нитями, блестящими как бриллианты.

И он зачитал мне довольно длинный отрывок из книги.

- Красочно! – сказала я, когда он закончил. – И очень точно. А то ведь многие думают, что гейши и юдзё – одно и то же. Знаешь, я обычно не говорю, кем работаю. И сама удивилась, когда тебе все сообщила.

Он отбросил книгу в сторону и начал целовать меня. Я жарко ответила, но тут же отстранилась.

- Что ты? – спросил он и обиженно надул губы. – Не нравится, как я тебя целую?

- Я совсем забыла о Лизе! – испуганно произнесла я. – Который час?!

- Половина первого, – нехотя сообщил Кристиан. – Но ты не беспокойся, пожалуйста. Я проснулся рано и сразу позвонил в отель.

- И что она сказала? – поинтересовалась я и начала невольно улыбаться, представив, что он услышал в ответ от моей подруги.

- Именно то, что ты подумала! – рассмеялся Кристиан и обнял меня. – Твоя подруга очень темпераментна и так к тебе привязана. Как она на меня кричала! Mon Dieu!

- И мне, действительно, пора возвращаться, милый, – ласково сказала я.

И увидела, как его глаза быстро наполняются слезами.

- Но зачем? Останься со мной! Мы сейчас пойдем на бульвар, погуляем, затем где-нибудь перекусим, – начал торопливо он. – Можем в одном кафе здесь на Монмартре. Правда, там вечно полно народу и так накурено, что можно задохнуться. Зато много моих друзей-художников постоянно тусуются именно там. Познакомлю со всеми!

- Крис, послушай... – сказала я и, освободившись из его объятий, отошла к окну. – Я в растерянности. Все произошло так быстро!

Я отодвинула ситцевую занавеску с оборками и выглянула на улицу. Остроконечные крыши соседних домов тонули в тумане. Невдалеке за ними поблескивал высокий купол какого-то собора. Улица с нашего, самого верхнего этажа казалась глубоким узким ущельем, по темному влажному дну которого двигались люди.

- И хорошо, что быстро, – ответил Кристиан, подходя ко мне и оттаскивая от окна. – Ты жалеешь?

- Пока не знаю, – честно ответила я, пытаясь вырваться и начиная смеяться.

Мы упали на кровать, заскрипевшую под тяжестью наших тел. Кристиан стянул с меня кимоно. Я уже изнемогала от желания, вновь захлестнувшего меня, перестала о чем-либо думать и решила просто наслаждаться близостью.

Потом мы уснули в объятиях друг друга.

Из тетради лекций Ёсико:

В древней Японии женицин изображали крепкими, с пухлыми лицами и большой грудью, с тонкими талиями, но тяжелыми бедрами. Такая фигура ассоциировалась с материнством. Мужчины изображались мужественными, часто воинственными, с густыми бородами и сильными телами. Но к XVII веку идеалы изменились. Японские художники в поздних картинах укиё-э стали изображать женицин хрупкими, даже эфемерными, с нежными овальными лицами, таковы стали эталоны красоты.

В то время эротическое искусство достигло невиданных высот. Самыми массовыми и востребованными стали "укиё-э" — серийные цветные отпечатки с резных досок. "Э" — значит "картина", а сложный буддийский термин "укиё" понимался как "жизнь сейчас".

Самой популярной литературой того времени стали укиё-дзоси — богато и откровенно иллюстрированные рассказы о повседневной жизни горожан. Это был некий прообраз комик-

сов, а точнее — японских эротических манга. Интересно, что постоянными клиентами граверных лавок были не только домохозяйки, куртизанки, гейши, актеры, игроки и торговцы, но и самураи, которым появляться в подобных местах запрещалось. Одной из ведущих тем этих повествований в картинках были физические занятия любовью.

Художник-гравер Моронобу изображал не только любовников в различных позах соития. Он запечатлевал и всех остальных персонажей Текущего мира: маленьких служанок, слуг-мужчин, пьяных весельчаков, содержателей публичных домов. Он зарисовывал даже драки между пьяными гостями. На протяжении более двух столетий уличные сцены Ёсивара, абунэ (непристойные картины), знаменитые гейши, куртизанки и актеры кабуки изображались многими художниками.

- Ты обещал познакомить меня с гейшами, - сказала я, когда Кристиан открыл глаза и улыбнулся мне сонно и мягко.

- Давно не спишь? – спросил он.

- Минут двадцать назад встала и даже спустилась вниз и позвонила Лизе от консьержки. Та, правда, пристала ко мне с расспросами, но ведь я не понимаю по-французски, - лукаво добавила я.

- И что Лиза?

- Хочет познакомиться с тобой поближе.

Кристиан потянулся и сел. Увидев, что его нефритовый стебель вновь начинает налижаться, я засмеялась и отрицательно покачала головой.

- Но я так сильно хочу тебя, - прошептал Кристиан. – Видишь?

И он опустил взгляд вниз, выразительно подняв брови.

- Прекрати! Я договорилась, что мы встречаемся с Лизой через час возле метро «Опера». Это недалеко от нашего отеля.

- Уж мне можешь не рассказывать, где находится это метро, - расхохотался он и встал.

Но я сразу отбежала в угол комнаты, продолжая смеяться.

- Слушай, - сказал Кристиан с воодушевлением, - у меня идея!

Он бросился к шкафу и вытащил большую плоскую картонную коробку. Увидев, что он достает из нее сложенное кимоно в прозрачном пакете, я подошла и взяла его.

- Примерь! Я привез это из Киото. Есть и пояс, как он называется-то?

Кристиан наморщил лоб.

- Оби, - тихо ответила я.

- Есть и это, купленное там же, - добавил он и протянул мне гэта на высоких перекладинах и носочки-таби с выделенным большим пальцем.

- Ты будешь в образе гейши, - радостно сказал он. – И так мы и поедem в чайный дом моей знакомой.

- У тебя есть знакомая владелица чайного дома? – удивилась я. – И ты молчал?

- Не успел, - покаянно ответил Кристиан. – Но это не совсем традиционное заведение. Кое-что мадам Ватанабэ переделала на потребу моде. Все-таки мы в Париже!

- Понятно, - усмехнулась я, разглаживая пальцами шелковые узоры оби. – И как называется сие заведение?

- Как я говорю, «До в Эдо», - серьезно ответил Кристиан.

- Как? – расхохоталась я.

- «Путь в Эдо», конечно, - пояснил он. – Ты должна знать, что Эдо это старое название Токио, а «до» по-японски означает путь.

- Знаю, знаю, - весело ответила я и после паузы заметила: - Но ведь мне нужна прическа и грим.

- Сообрази что-нибудь! – отмахнулся он. – Пойду, позвоню твоей Лизе и приглашу ее. А то придумали у метро встречаться! Возьмем такси и подберем ее у отеля. Хорошо, Таня?

- Делай, как хочешь. А я пока попробую заgrimироваться.

Кристиан вернулся через полчаса, когда я уже начала раздражаться. Но он молча протянул мне коробочку с театральным гримом, и я сразу заулыбалась.

- Тут неподалеку есть театр и при нем небольшая специализированная лавка, - сказал он, садясь на кровать и неотрывно на меня глядя.

Я уже облачилась в кимоно, затянула оби и заколола волосы в высокую прическу. Деревянные перекладки гэта делали меня выше. Шелк кимоно был травянисто-зеленым с золотисто-коричневыми веточками бамбука. Внутренняя подкладка рукавов – золотой. Оби - черным со сложными переплетениями золотых и бирюзовых нитей. Кристиан смотрел на меня молча. Потом встал и, аккуратно обойдя меня, достал с верхней полки шкафа деревянный футляр. В нем лежало несколько вееров. Он выбрал золотисто-коричневый с узором из темно-зеленых листьев и протянул его мне. Я взяла, поклонилась, заученным движением резко раскрыла его и спрятала улыбку за волнистым шелковым краем.

- Бесподобно, - тихо произнес он и, попятившись, опустился на кровать, по-прежнему не сводя с меня глаз.

- Мне нужно наложить грим, - сказала я, складывая веер.

- Да-да, - пробормотал Кристиан и потянулся за листом картона и карандашом.

Я улыбнулась и перестала обращать на него внимание.

Когда мы спустились вниз, консьержка даже вышла из своей каморки и замерла, в изумлении глядя на меня и прижав полные руки к груди. Потом что-то быстро заговорила на французском. Я поняла лишь «monsieur Christian» и «mademoiselle... est japonaise?». Кристиан что-то ответил ей, улыбаясь. Потом вывел меня на улицу, держа под локоть.

- У консьержки просто шок от твоего вида, - сказал он. – Надо бы и в кафе зайти. То-то мои друзья обрадуются при виде гейши! Стой, Таня, сейчас такси поймаю.

- Аямэ, - тихо проговорила я, прикрывая набеленное лицо веером. – Попрошу сейчас ко мне так обращаться. И ни в какое кафе я в таком виде не пойду.

Но Кристиан не слышал последнее замечание. Он уже остановил машину и о чем-то договаривался с водителем. Усадив меня, он метнулся к продавщице цветов, которая неподалеку поправляла букеты, стоящие в пластиковых вазонах у витрины магазинчика. Я наблюдала, как он что-то говорит ей, возбужденно жестикулируя. Она засмеялась в ответ, кивнула и скрылась в магазине. Кристиан обернулся и махнул мне рукой, широко улыбаясь. Я смотрела на его стройную фигуру в строгом темно-сером костюме. Под расстегнутым пиджаком чернел джемпер. На улице, несмотря на январь, была плюсовая температура, но воздух был сырой и промозглый.

«Нужно было заставить его надеть пальто, - почему-то подумала я. – А то, не дай бог, простудится. Надо же! – невольно улыбнулась я своим мыслям. – Я о нем беспокоюсь, словно добропорядочная жена. Но ведь он тоже заставил меня накинуть поверх кимоно мою шубку, как я не упиралась. Хотя короткий песочный мех колонка неплохо сочетается с зеленым шелком кимоно».

Я увидела, что Кристиан уже расплатился за цветы, и идет к машине. Когда он сел рядом со мной на заднее сидение, то, отложив в сторону букетик маргариток, первым делом, воткнул мне в прическу раскрытый цветок орхидеи. Таксист обернулся и что-то восхищенно сказал, улыбнувшись мне. Кристиан закивал.

- Он говорит, что ты словно персонаж японской сказки, и он в восхищении, что в этот туманный день видит такую яркую красоту.

- Merci, - сказала я, опуская веер на колени.

Таксист вновь обернулся и энергично закивал мне, улыбаясь до ушей.

Когда мы подъехали к нашему отелю, Лиза и Григорий уже стояли возле входа. Увидев ее недовольное лицо, я не смогла сдержать улыбки. Лиза была рассержена, но сдерживалась на публике. Заглянув в салон, она с изумлением посмотрела на меня и сжала губы. Хмуро

поздоровавшись, уселась рядом со мной на заднее сидение. Григорий занял место с другой стороны.

- Маргаритки для вас, прекрасная Елизавета, - сказал Кристиан, сидевший рядом с водителем.

- Благодарю, - ответила она и резко повернулась ко мне. - Ты, я вижу, вновь превратилась в Аямэ, - констатировала Лиза. - А кто-то хотел отдохнуть! Не можешь без работы, да?

- Дорогая моя, - мягко ответила я. - Ты же знаешь, что гейша это стиль жизни. И мне хотелось сделать Крису приятное.

- Об этом несчастном мы поговорим позже, - сурово проговорила Лиза, - когда останемся наедине.

Григорий глянул на нее с неприкрытым испугом и сжался в углу. А Кристиан обернулся и подмигнул мне.

- Никто тебя не боится, - улыбнулась я. - И мы едем отдыхать и веселиться. Крис знаком с владелицей чайного дома. Тебе тоже полезно будет посмотреть. Все-таки ты - моя правая рука в агентстве. Может, что интересное для бизнеса подметишь.

- Вот-вот, - сказала она, - а я о чем? Одна работа на уме!

Такси остановилось возле старинного здания в стиле барокко. Чайный дом занимал, по всей видимости, его первый этаж. Мы увидели светящиеся иероглифы названия, большие окна, закрытые бамбуковыми жалюзи, и темные массивные деревянные двери, на которых были вырезаны очертания гор и ветки сосен. По обе стороны висели фонари. Между резных деревянных перекладин была натянута расписанная пейзажами ткань, которая красиво подсвечивалась изнутри. Ковролин темно-зеленого цвета закрывал тротуар от дверей до проезжей части.

- Надеюсь, обувь снимать не нужно, - проворчала Лиза, опираясь на руку Григория и выбираясь из такси.

- Нет, конечно! - рассмеялся Кристиан. - Мы же в Париже, а не в Японии. Здесь все адаптировано, даже традиция!

Когда мы вошли внутрь и оставили верхнюю одежду в гардеробной, я приблизилась к большому зеркалу и глянула на себя. Прическа, конечно, была не традиционной, но все остальное вполне соответствовало.

«Все-таки хозяйка не просто японка, а ока-сан! - подумала я, поправляя орхидею в волосах, - хотелось бы не ударить в грязь лицом».

Ока-сан – это «матушка» гейш.

Кристиан распахнул перед нами дверь, и мы вошли в зал. С удивлением я увидела, что это обычный ресторан, стилизованный под Японию. К нам бросился администратор и провел за свободный столик. Кристиан что-то спросил. Я услышала: «мадам Ватанабэ». Администратор улыбнулся и кивнул. Григорий взял меню и, приподняв брови, начал изучать его. Лиза повернулась ко мне.

- А тут неплохо. Но обычный на вид ресторан, - заметила она. - Я-то боялась, что нас усадят на пол, ноги калачиком, и вручат палочки для еды.

- Здесь есть еще несколько залов, - с улыбкой сообщил Кристиан.

- Да? - удивилась я. - И для чайной церемонии?

- Естественно, - кивнул он.

В этот момент к нам подошла пожилая японка и, поклонившись, спокойно сказала:

- Коннитива.

Она поздоровалась на японском, при этом смотрела на меня. Ее черное парадное кимоно с гербами было великолепно. Я молча наклонила голову. Кристиан встал, непринужденно поцеловал ее в щеку и что-то сказал. Она улыбнулась. Он быстро нас представил, причем меня, как Аямэ. Мадам Ватанабэ присела за наш стол, что меня немного удивило. Как оказалось, она прекрасно говорила на английском и французском. Дальше наше общение стало непринуж-

денным и забавным, потому что мы, словно, жонглеры, перебрасывались словами на разных языках. При этом мадам Ватанабэ со мной говорила на английском, с Кристианом на французском. А мы, что успевали, переводили для Лизы и Григория.

Как я поняла, это заведение состояло из нескольких залов. Непосредственно сам ресторан, в котором мы сейчас находились, помещение для проведения чайной церемонии, где обычно выступали гейши, и еще два зала для «VIP – клиентов», как выразилась мадам Ватанабэ. Когда официант принес кувшинчик с саке и крохотные, красиво оформленные бутерброды, она удалилась, пожелав нам приятного аппетита.

- Так оригинально оформлены стены, - заметила Лиза, оглядываясь по сторонам. – Я даже вначале решила, что это настоящий расписной шелк.

- Это тканевые обои под шелк, - пояснил Кристиан. – Как говорит мадам, у клиентов должно создаваться ощущение, словно они внутри огромного кимоно, которое охватывает их со всех сторон и держит в плену своей красотой. А светильники под потолком похожи на веера.

Мы дружно подняли головы вверх. Действительно, матовые стеклянные светильники напоминали формой раскрытые разноцветные веера, распластанные по потолку.

- Но чайная комната выдержана в традициях, - добавил Кристиан. – Там все по-настоящему и нужно снимать обувь при входе.

Он лукаво глянул на Лизу.

- Мы заглянем, конечно, - усмехнулась она, - просто, чтобы посмотреть убранство. Но внутрь не пойдем.

- Ты не хочешь попристутствовать на тяною? – удивилась я.

- Знаешь, нет, - ответила она и улыбнулась. – Я приехала отдохнуть, Но сейчас мне кажется, что я снова на работе. Это, видимо, из-за твоего образа Аямэ.

- Прекрасного образа, - тихо заметил Кристиан и поцеловал мои пальцы.

- А что это за VIP-залы? – неожиданно спросил молчавший до этого Григорий.

И мы в изумлении на него посмотрели.

- А тебе никто слова не давал, - прошипела Лиза. – Ты же скотина бессловесная, так что закрой пасть!

Кристиан поперхнулся саке и начал кашлять. Я похлопала его по спине и тихо сказала:

- Не обращай внимания. Это такая игра.

- Интересная игра, - заметил он, когда отдышался. – Я думаю, Лизе будет любопытно наведаться в один из залов. Там как раз собираются подобные игрушки.

- Правда? – развернулась к нему Лиза. – Так чего мы тут сидим?

- Момент, - сказал Кристиан и подозвал администратора.

Скоро мы спустились в его сопровождении по лестнице, покрытой красной ковровой дорожкой, в подвальное помещение. Я увидела две двери, одна черного цвета, а вторая почему-то красного. На обеих золотились огромные нарисованные драконы.

- Мы пойдем смотреть живое кино, - сообщил Кристиан, беря меня за руку и подходя к черной двери. – А вам, господа, лучше пройти туда.

- Ну-ну, - тихо сказала Лиза. – И что там?

- Увидите, - загадочно произнес Кристиан и подмигнул мне. – Я думаю, все необходимое для вашей пары.

Я заметила, что Григорий мгновенно оживился, а его глаза заблестели. Лиза нервно сжала губы и вопросительно на меня посмотрела. Но я находилась в образе Аямэ и не смела перечить своему спутнику. Закрыв лицо веером, я отвернулась и пошла вместе с Кристианом в открывшуюся перед нами черную дверь.

Мы оказались в маленьком кинозале с очень высокой полукруглой сценой возле экрана.

- Сейчас начнется сеанс, - сказал мне на ухо Кристиан. – Он обычно длится около часа. Это развлечение придумала мадам Ватанабэ специально для пресыщенных клиентов и назвала

его «живое кино». Оно идет по специальному тарифу. Но для нас бесплатно, как бонус прекрасной Аямэ.

Он усадил меня в широкое и очень глубокое кресло второго ряда, если можно так выразиться, этого зала. И устроился рядом. Такие двухместные кресла стояли полукругом возле сцены в четыре ряда. И почти все они были уже заняты. Мы оказались с краю, но экран и сцена были отлично видны. Скоро свет погас, и я с веселым изумлением увидела, что на экране появилась рисованная заставка. Начался самый настоящий мультфильм. Но как вскоре выяснилось, зрителям показывали хентай, причем, предельно откровенный. Сцены полового акта были тщательно прорисованы. Распахнутые яшмовые ворота, преувеличенно большие нефритовые стебли, груди с торчащими сосками, смена поз – все выглядело возбуждающе и реалистично. Я почувствовала, как Кристиан приник ко мне и засунул руку под полу кимоно. Но не посмела отодвинуться. К тому же сама уже очень возбудилась от зрелища на экране. Его пальцы скользнули дальше, но наткнулись на серединку трусиков. Я лукаво улыбнулась, почувствовав, как они замерли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.